

Уваров Григорий

Уваров Григорий

Клиффхэнгер

Клиффхэнгер

[фантастический детектив]

фантастический детектив

Григорий Уваров Клиффхэнгер. Фантастический детектив

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015262
ISBN 9785448548154*

Аннотация

Основной идеей является объединение художественного текста и кинематографических приемов в общее произведение. Книга представляет собой мини-сериал в жанре фантастического детектива, состоящий из четырех эпизодов, каждый из которых начинается со вступительной заставки и музыкальной композиции. Здесь вы найдете и внезапные сюжетные повороты, и накал событий в заключении эпизода (на что указывает название книги), и финальные титры, и даже скрытую концовку. Приятного просмотра!

Содержание

Прежде чем приступить к чтению...	5
Музыка в книге	8
Лицевая заставка	10
ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ «Топаз и изумруд»	12
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	44
ГЛАВА 4	50
ГЛАВА 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Клиффхэнгер

Фантастический детектив

Григорий Уваров

© Григорий Уваров, 2017

ISBN 978-5-4485-4815-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прежде чем приступить к чтению...

Здравствуй, дорогой читатель. Книга, что ты сейчас держишь в руках, представляет собой эксперимент. Возможно, это голый текст на экране мобильного телефона или распечатка нескольких листов с принтера на работе (ведь это, как правило, бесплатно), но мы будем выражаться образно, и говорить о книге, как о конкретном предмете, который действительно можно держать в руках и читать, листая страницы. Все вы знакомы с телесериалами, что крутят каждый день по экранам телевизоров или которые раз в неделю появляются на зарубежных сайтах, а, может быть, и того реже. Уверен, когда-то давно, а, возможно, прямо сейчас, вы увлечены или были увлечены каким-нибудь сериалом. Это не обязательно крупный проект, растянувшийся на 25 сезонов по тысяче серий в каждом. Вовсе нет. Есть короткие сериалы (могут называться многосерийным фильмом или мини-сериалом), сюжет которых умещается всего лишь в три-четыре серии, на чем он и заканчивается без всяких намеков на продолжение. Я бы мог перечислить такие сериалы, но единственное, для чего нет места в этой книге, так это для рекламы. Могу лишь намекнуть, что одна британская телекомпания в свое время анонсировала очень удачную адапта-

цию произведения одного английского писателя про одного очень известного сыщика 19 века.

Все сериалы разные, но есть характерные черты, которые отличают этот формат от обычного кино. Давайте сразу договоримся, что разговор пойдет не о «мыльных операх», а о хорошем, добротном сериале, который язык не повернется назвать «кино для бедных». Сейчас в такие форматы могут вкладываться крупные деньги, иной раз превосходящие бюджет хорошего фильма. Я к тому, что сериалы перестали быть дешевой и легкой разновидностью кинематографа, какой в большинстве считались изначально, отчего и сложился устойчивый стереотип.

Вернемся к характерным чертам сериала. Первое, что вы видите на экране, это заставка с музыкальной темой. Композиция либо пишется индивидуально под это кинопроизведение, либо используется готовая известная песня. Далее завязка сюжета и фабула. Линия каждого отдельно взятого персонажа тоже имеет начало, развитие с кульминацией и развязку. Мотивация – то есть объяснение причин, почему герои поступают так, а не иначе. В сериале могут присутствовать так называемые «якоря». Это особые элементы повествования, за которым закрепляется определенная эмоция. Отличие от сюжетных деталей в том, что такой «якорь» зачастую не имеет никакого важного значения. Такие детали можно назвать визитной карточкой сериала. Также в сериале часто используются устойчивые базовые иллюзии, штам-

пы и клише, что очень удобно, потому что таким образом достаточно просто сразу установить контакт со зрителем.

Вы спросите, а в чем же отличие от обычного фильма? Да только в одном: сериал имеет определенную дозированность информации от серии к серии, свои отдельные начала, кульминации и развязки, которые складываются в развитие и финал сериала в целом. В некотором роде, эта задача не так проста, как может показаться на первый взгляд.

В общем, в этой книге я попытался объединить художественный текст и приемы, используемые при создании телесериала. Всего будет четыре отдельных эпизода, в каждом из которых обязательно звучит музыка. Есть основная тема, с которой начинается каждая серия, сопровождающаяся заставкой. Есть композиции, которые звучат в определенные моменты сюжета для усиления эффекта погружения. Ниже приведен список с названиями всех этих песен с указанием эпизода и главы. Поскольку сейчас стало популярным читать книги с электронного носителя, в определенных местах сюжета будет прикреплена ссылка на интернет-ресурс (в данном случае Яндекс музыка), по которой можно прослушать соответствующую композицию. Если же такой возможности у вас нет, вы можете заранее ознакомиться со всеми этими песнями, чтобы иметь небольшое представление о том, как это звучит.

А сейчас, устраивайтесь поудобнее! И приятного вам просмотра.

Музыка в книге

Эпизод 1

[битая ссылка] Morcheeba – Gained The World

Глава 2

[битая ссылка] Dredg – Sang Real

Глава 4

[битая ссылка] Pое – Control

Глава 5

[битая ссылка] The Moody Blues – Nights In White Satin

Глава 7

[битая ссылка] Norah Jones – Little Broken Hearts

В конце 1 эпизода

[битая ссылка] Kings Of Leon – Closer

Эпизод 2

[битая ссылка] Morcheeba – Gained The World

Глава 8

[битая ссылка] Pое – Haunted

Глава 10

[битая ссылка] Air – La Femme D'Argent

Глава 11

[битая ссылка] Archive – Nothing Else

В конце 2 эпизода

[битая ссылка] U2 – The Troubles

Эпизод 3

[битая ссылка] Morcheeba – Gained The World

Глава 13

[битая ссылка] Brick + Mortar – Dead Moon

Глава 14/01

[битая ссылка] Muse – The 2nd law Isolated system

[битая ссылка] The BossHoss – Monkey Business

[битая ссылка] Pendulum – Vision

[битая ссылка] Koven – Petrichor

[битая ссылка] Pendulum – Set Me On Fire

В конце 3 эпизода

[битая ссылка] Norah Jones – After the Fall

Эпизод 4

[битая ссылка] Morcheeba – Gained The World

Глава 14/05

[битая ссылка] Lee DeWyze – Blackbird song

В конце 4 эпизода

[битая ссылка] Florence and The Machine – Long & Lost

Лицевая заставка

Звучит композиция [битая ссылка] Morcheeba – Gained The World. Саундтрек всей книги-сериала, будет звучать в начале каждого эпизода.

На первых нотах музыкальной темы вы видите только белый экран и ничего более. Затем начинают проявлять очертания высотного здания. Это больше похоже на карандашный набросок, который появляется на листе бумаги без вмешательства художника, сам по себе. Так вырастает огромный небоскреб. Он приобретает тусклый серо-голубой окрас, что выглядит, как зеркальное стекло. Рядом появляется новое здание чуть выше и другой формы. Затем подобные стеклянные башни появляются сразу в нескольких областях картинки. Так вырастает целый зеркальный город, который вы наблюдаете с высоты птичьего полета. При этом камера как бы отступает назад, делая шире ваш обзор. Закатное солнце в свете угасающих красок отражается в стеклянных поверхностях башен. А затем появляется и само небо. Вы не видите мелких деталей города, потому что рисунок не имеет четких границ. Широкие трассы полны не машин, а белых и красных огней, которые сливаются в две параллельно текущие реки. Но внезапно краски становятся более насыщенными. Это происходит постепенно, но буквально на глазах. Картина больше не кажется нарисованной, город выглядит слиш-

ком реалистично. И как только вы это понимаете, картинка приходит в движение. На оранжево-бардовом небосводе видны постепенно удлиняющиеся белые следы от крошечных с этого ракурса самолетов. На заднем плане возник строящийся район города. Высоченные башенные краны медленно движутся, перенося прицепленные к стрелам грузы, и это странным образом сочетается с песней, что вы сейчас слышите. И в завершении поверх возникшего изображения города, которое все так же продолжает двигаться проступает название.

КЛИФФХЭНГЕР

[фантастический детектив]

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

«Топаз и изумруд»

ГЛАВА 1

14 августа 2032 года

Раннее утро всегда сопровождается тишиной и всегда одинаковой. Она не создает звон в ушах из-за отсутствия звуков, нет. Это разновидность тишины другого характера. Просто все звуки (вместе с людьми) успели отдохнуть за ночь и набраться сил, поэтому сейчас присутствуют в полном составе, но на незначительных уровнях громкости. И лишь изредка какой-то из них нелепо вылезает вперед и разносится по всему предоставленному пространству подобно облачку сероводорода в большом скоплении людей.

Рассветные сумерки, тишина, город спит. Даже птицы еще не проснулись, хотя делают это, пожалуй, раньше всех. Откуда-то издали доносится даже не шум, а шелест поливочной машины. Этот звук настолько аккуратный, что практически незаметно вплетается в тишину. Ветерок неслышно колышет листья и траву без всякого шороха. Весь мир замер. Он словно остановился во времени. И внезапно среди всей этой звенящей красоты, абсолютно не к месту и со-

вершенно не по-мужски вдруг заверещит какой-то дворовый кот. Не потому, что его погнали собаки. И не потому, что какой-то другой дворовый кот посягнул на его авторитет. А просто так. Что-то взбрело в его светлую голову, и он решил издать такой звук, от которого окружающая тишина просто взорвалась с силой ядерной бомбы.

Но другая бомба, которая, правда оказала влияние всего лишь на одного человека, а не на весь город, разорвалась в квартире детектива по имени Уильям Кимберлинг. Речь, конечно же, идет не о буквальном взрыве, который быстрее вора выносит все, что не имеет к полу надежного крепления. Всего лишь зазвонил мобильный телефон.

Если сравнивать варианты неприятных пробуждений и выстроить их в таблицу по возрастанию эффекта от 1 до 10, то такой способ разбудить человека смело занимает вторую и третью позиции. Не зря выделяется два места, потому что есть огромная пропасть между вариантом обычного телефонного звонка, что числится в списке под номером 2, и вариантом, если происходит усложнение ситуации.

2 место: вы спокойно себе спите; внезапно на тумбе возле кровати начинает звонить телефон; вы отвечаете на звонок, узнаете, что кто-то ошибся номером, легко заканчиваете разговор, мысленно соотносите неизвестного абонента с каким-нибудь не самым благородным животным; и все.

3 место: вы спокойно себе спите; телефон начинает громко звонить где-то в другом месте, на таком расстоянии, от-

куда слышно его максимально отчетливо, а вот длины руки не хватает, чтобы до него дотянуться; то есть вам как минимум нужно встать; вы перебарываете сон, встаете, отвечаете на звонок, и вам сообщают, что в результате пожара здание парковки, где вы всегда оставляете свой мерседес, этой ночью сгорело дотла вместе с вашим драгоценным автомобилем.

Примеров может быть масса, но в принципе суть понятна.

Для сравнения, ведро ледяной воды, как способ пробуждения, закрепилось на пятой строчке странного и, возможно, бестолкового списка.

Этому телефонному звонку можно было смело отдавать третье место. Во-первых, обычно детективу звонят, когда случается что-то плохое: особенность сферы деятельности. А звонить в такой ранний час будут, только если случилось нечто крайне нехорошее. Во-вторых, оказавшись на гладкой твердой поверхности письменного стола экраном вниз, телефон на виброзвонке издавал больше неприятного шума, чем если бы просто проигрывал какую-нибудь мелодию. Звонили несколько раз подряд, дожидаясь, когда вызываемый абонент все-таки пересилит себя и поднимется с дивана (да, стол находился в двух метрах, поэтому требовалось встать), но чрезмерная сонливость, помноженная на силу гравитации и незавершенное влияние односолодового виски на организм, пока одерживали верх, пригвоздив молодого человека к мягкой и уютной плоскости. В принципе можно было

игнорировать этот вонзающийся сверлом в голову звук, с которым телефон медленно ползал по крышке стола, подобно жуку, неспособному самостоятельно перевернуться на лапки. Но вскоре он каким-то невероятным образом свалился в узкую щель между столом и холодильником. Можно миллион раз повторить этот опыт, но по всем законам подлости телефон ни за что не упадет, куда вы хотите. Теперь с новым звонком он «сверлил» уже две твердые поверхности, создавая усиленный эхом грохот.

Расслабленный сном мозг воспринимал этот звук гораздо сильнее. Казалось, ходуном ходила вся квартира. Каким бы животным ни оказался настойчивый любитель утренних бесед, знающий этот номер, ему-таки удалось поднять детектива.

Неуверенные шаги, слипающиеся глаза и ослабленные рефлексы дополнительно усложнили процесс доставания телефона из ниши между холодильником и столом, куда он так ловко свалился. Сенсор сработал не с первого раза, но это скорее потому, что Уильям просто не попал пальцем по нужному значку.

– Черт возьми, Кимберлинг, где тебя носит? – несмотря на рьяную реплику, громкость телефонного разговора всегда была выведена на минимум, что на данный момент спасло детектива от ушного кровотечения.

– Ты бы сначала посмотрел на часы и день недели, прежде чем звонить, – хриплый голос Уилла не сразу обрел слы-

шимые ноты, которые пришлось нащупывать сквозь шелест и скрип голосовых связок. – У меня выходной.

– В твоей работе нет выходных, мальчик. Точно так же, как нет отпусков, больничных, соцпакета, страховки и стабильной зарплаты. Мог бы хоть раз поблагодарить за то, что не оставляю тебя без дел, рискуя репутацией и не получая с этого ни копейки, – голос по ту сторону телефонной трубки ненадолго стих, но тишина тут же заполнилась звенящим шумом. Там, где разозлившийся собеседник находился в данную минуту, давным-давно кипела работа, несмотря на ранний час. Странно было слышать этот гул, созерцая при этом небольшую квартирку – безмятежный храм одиночества, тоски и беспорядка. – Скажи, Кимберлинг, зачем мне это?

– Лучше оставь свое занудство и скажи, зачем звонил? – обычно на такие претензионные реплики в свой адрес Уильям предпочитал отвечать емко, коротко и строго. При этом не приходилось, как говориться, лезть за словом в карман: жесткая фраза, как правило, выстраивалась сама. Но со стариком Хитом Хитченсоном любой разговор состоял из язвительных фразочек, острот и сарказма. Плюс сейчас от этой беседы уже начинало тошнить. Переизбыток желчи понемногу разъедал желудок.

– Звоню по делу. Подробности отправил на электронную почту, посмотри сам. Не тяни с этим.

– Снова пропавший щенок?

– Стал бы я тебе звонить семь раз ради пропавшего щенка?

– В прошлый раз ты звонил не меньше.

– В тот раз было простое дело.

– Может, хоть намекнешь?

– Сам все прочтешь. Одно могу сказать, дело необычное.

– И с чего ты взял, что я за него возьмусь?

– С того, какой гонорар ты сможешь получить, кретин, – голос снова на какую-то секунду набрал мощи. – Криминалисты не продвинулись ни на шаг, так что тебе самое время появиться на горизонте. Набери, если появятся вопросы.

Уильям первым завершил вызов и тем самым выиграл маленькое глупое сражение. Ком в горле отступил, рухнув куда-то вниз тяжелым металлическим шаром, но общее состояние было отвратительным. Два часа сна не дали организму полностью должного отдыха, и организм не успел переварить алкоголь, поэтому сейчас Уилл находился где-то на грани между опьянением и похмельем, что суммарно воспринималось тяжело.

Не выпуская телефон из руки, он рухнул обратно на диван. По телу прокатилась приятная волна расслабленности. Лишний час сна не только не нарушит планы, но и пойдет на пользу.

Стоило закрыть веки, как в глазах зашипало, словно в них насыпало речного песка. Самое неприятное и противоречивое ощущение, потому что приходится делать усилие, чтобы

держат глаза закрытыми, не зависимо от того, как сильно ты хочешь спать. Уильяму казалось, что прошла целая вечность, но на самом деле эта вечность заняла меньше одной минуты.

ГЛАВА 2

Квартира детектива представляла собой идеальный прямоугольник в 20 квадратных метров. Стенами отделялась только ванная комната с миниатюрной душевой кабинкой и туалетом. Но называть этот закуток «ванной комнатой» было поистине смелым поступком.

Вдоль левой стены, плотно прижимаясь друг к другу, стояли: узкое кресло, журнальный столик, раскладной диван, всегда собранный, чтобы экономить и без того ничтожно малое полезное пространство квартиры, и широкая тумба, упирающаяся в окно и используемая в качестве рабочего стола. Отсутствие шкафа компенсировалось креслом, сиденье, подлокотники и спинка которого были завалены горой из чистой и в основном мятой одежды. Над диваном висела книжная полка, под завязку набитая папками с документами, ценными бумагами, газетными вырезками, добрая часть которых также была расклеена по стене, как в старых художественных фильмах, где маниакальный убийца выискивает свою жертву. Не хватало лишь красных нитей, соединяющих опубликованные факты в замысловатую паутину. В век интернета такой подход сопоставления важной информации казался глупым и больше театральным, но Уильям полагал его самым действенным в своей работе частного детектива.

Вдоль правой стены разместился высокий холодильник,

наполненный по большей степени пивом и несколькими сортами горчицы нежели обычной едой. Далее огромная столовая панель из акрилового камня во всю длину квартиры. Под ней скрывались тысячи выдвижных и складных отделений для разного рода утвари, а также необходимые бытовые приборы вроде встроенной посудомоечной машины, микроволновой печи и плиты. За все время проживания в этой квартире Уилл ни разу ничего не приготовил, и поэтому встроенный в столешницу сенсорный сегмент с двумя нагревающими кругами был обесточен и использовался в качестве уголка для более необходимой кофе-машины. Каждое утро начиналось с чашечки свежесваренного бодрящего напитка и сигареты.

Пятиминутный прохладный душ подействовал более чем отрезвляюще. В завершении гигиенических процедур, тщательно почистив зубы и прополоскав рот освежающим раствором и тем самым уничтожив все улики вчерашнего распития, Уилл обмотал полотенце вокруг пояса, вернулся в комнату и расслаблено плюхнулся на диван. В лучах утреннего солнца, бившего в слегка затемненное окно, его короткие черные волосы блестели от мельчайших капелек воды, сохранившихся после душа, как вулканическое стекло. Да, окно здесь занимало всю центральную стену от пола до потолка, полностью нарушая общую гармонию квартиры таких скромных габаритов. Подобной камерке соответствовало бы либо крошечное окошко размером с бойницу в какой-ни-

будь оборонительной крепости 15го столетия, либо его отсутствие, но никак не эта дыра в три метра высотой. Благо «умное стекло» позволяло регулировать степень прозрачности и цветности, так что при желании можно было создать подобие бетонной стены, что Уильяму нравилось больше. И тогда миниатюрная квартирка, сжимающаяся со всех сторон, вовсе не давила, не вызывала приступ клаустрофобии или удушья, а наоборот усиливала ощущение уюта.

Но сейчас Уильям наслаждался этим рассветом с высоты сорок шестого этажа, попивая раскаленный кофе и чудом не обжигая язык и нёбо. На какой-то миг ему даже захотелось полностью отключить затемнение стекла, ощутить яркий солнечный свет в полной мере, пощуриться от слепящих лучей. Но новый телефонный звонок сбил его с мысли.

Уилл не любил отвечать сразу, заставляя абонента потомиться в ожидании, даже если телефон находился в руке, и снять трубку было делом одной секунды. Тем самым он одновременно подчеркивал свою постоянную занятость и выводил звонившего из психологического равновесия, что позволяло в дальнейшем сразу составить личностный портрет, если речь идет о незнакомце. Конечно же, в сфере его работы чаще звонили новые и незнакомые люди, клиенты, поэтому быстрое понимание, с кем имеешь дело, было только на руку. Если человек чем-то не нравился Уильяму с самых первых секунд разговора, он отказывался от расследования, каких бы денег это ни стоило. Собственно, для него и не в день-

гах было счастье. В жизненной философии Уильяма Кимберлинга на первом месте стоял комфорт, тогда как денежные единицы маячили ближе к концу списка. На жизнь ему хватало сполна благодаря солидным сбережениям, заработанным ранее и приносящим немалый ежегодный процент. При желании он мог не работать вовсе, купить себе уютный домик где-нибудь на побережье Тихого океана и весело прожигать свое состояние и здоровье на женщин, выпивку и развлечения, дожидаясь счастливой старости. Но ему было комфортно работать частным детективом, получать смешные гонорары, жить в каморке на одного человека и каждый день заказывать пиццу или тайскую еду. Эти мелочи составляли его идеал духовного спокойствия. Катарсис.

Но сейчас интуиция подсказывала ему, что стоит ответить на звонок как можно скорее. Уильям залпом проглотил остатки кофе из чашки. Он так сделал не потому, что старался не терять частицы драгоценного напитка, а для того, чтобы поставить твердую завершающую точку в утреннем ритуальном занятии и приступить к работе. Фарфоровая чашечка с коротким звоном опустилась на твердую акриловую столешницу, по которой вновь ползал вибрирующий телефон. Через секунду Уильям уже ответил:

– Да.

– Мистер Кимберлинг, здравствуйте! Извините, если разбудил, – глухой и несколько растерянный мужской голос прервался на две-три секунды, но Уилл настойчиво ждал про-

должения реплики, пока не зная, как себя вести. Звонившего он не знал, поэтому внимательно вслушивался не только в слова, но и в манеру помолчать. Наконец, словно собравшись с духом, таинственный незнакомец продолжил. – Меня зовут Эдвард Нортстром. Моя дочь... она... Она пропала вчера вечером. Мне посоветовали вас в качестве лучшего детектива.

Уильям действительно неплохо вел свои дела. В его практике были как удачные расследования, так и незавершенные, незакрытые, что не выделяло его среди детективов полицейского департамента и других частных агентств как лучшего. Однако некоторые клиенты действительно восторгались его работой и рекомендовали знакомым. В век интернета «сарафанное радио» работало гораздо эффективнее рекламы в поисковых системах. Единственное, что озадачило Уилла, это время звонка: прошло менее 12 часов с момента исчезновения человека, то есть полиция еще не бралась за дело, но клиент уже звонит частному детективу.

– Здравствуйте, мистер Нортстром. Для начала я бы хотел ознакомиться со всеми подробностями. Когда и где вам будет удобно встретиться?

– Чем быстрее – тем лучше. Я сейчас нахожусь на углу Десятой и Мейн, но могу подъехать в любое место.

– Нет, вполне удобно. Угол Десятой и Мейн, это совсем недалеко от меня. Пройдите немного вверх по главной улице, там будет скромный ресторанчик под названием «Синий

гиацинт». Вы легко его найдете по большому цветку на вывеске. Ждите меня там. Более подходящего места для делового разговора в это время не найти.

– Хорошо, мистер Кимберлинг, я вас жду, – голос сменился коротким гудком, а затем мертвой тишиной.

Утро обещало быть интересным. Два звонка. Два дела. Оба вызывают интерес, что случалось нечасто. Уилл твердо решил сначала встретиться с горюющим отцом и уже после разговора выбирать, за какое дело браться. Два одновременных расследования – всегда плохая затея. Тем более что-то ему подсказывало, что оба дела будут непростые. Видимо, от предложения Хита все-таки придется отказаться, а это всегда не нравилось старику, хоть тот и старался не показывать вида. И, конечно же, показывал.

Но сегодня отказ можно списать на ответную реакцию за грубое пробуждение, подумал Уильям.

Скинув мокрое полотенце на диван, он выбрал из одежды наименее мятую – сегодня это оказалась черная рубашка с длинным рукавом и темно-синие джинсы – и поспешил одеться. Уилл обладал удивительным талантом выглядеть привлекательно в любом, даже самом дурацком наряде. Если бы он вдруг вздумал поехать на встречу в костюме клоуна, почти наверняка, Эдвард Нортстром похвалил бы его портного за прекрасный выбор ткани, а несколько прохожих отметили бы его хороший вкус в выборе одежды.

Высохшие волосы сами собой сложились в хорошую при-

чески благодаря короткой длине. Расстегнутая верхняя пуговица в сочетании с закатанными почти до локтя рукавами вносили в образ дополнительные нестандартные нотки, так подходящие Уильяму. Завершали композицию черные ботинки, небольшая сумка с ультратонким ноутбуком на плече и темные, солнцезащитные очки, напоминающие «зеркалки» американских полицейских из южных штатов. В свои полные 34 года Уильям своим внешним видом больше напоминал студента старших курсов.

Все время, пока он одевался, в его голове звучал мысленный вопрос, остававшийся без ответа: насколько же интуиция окажется верной в этот раз? Как правило, она подводила его в крайне редких случаях. Возможно, поэтому он и стал детективом.

Мегаполис в это раннее время суток кишел толпами снующих туда-сюда людей и вялотекущими потоками машин, не имеющими ни конца, ни края. Уилл обычно предпочитал передвигаться по городу на личном транспорте. Скромный Ford с кузовом типа «седан» неприметного серебристого цвета, сошедший с конвейера в далеком 2017 году и вот уже 15 лет служащий верой и правдой на благо человечества без малейшей попытки восстания против двуногих и установления нового мирового порядка. Но сейчас все ближайшие дороги были так плотно заполнены автомобилями, что движение практически отсутствовало; если, конечно, мож-

но назвать движением судорожное подергивание на пятьдесят сантиметров вперед раз в две минуты. Опаздывающие и недовольные пешеходы двигались быстрее.

Сказать по правде, «Синий гиацинт» находился от места проживания Уильяма в 17 кварталах, что равнялось минимум двум часам пути на автомобиле во время наивысшей нагрузки транспорта. Но, к счастью, улица Мейн, как длинный шампур, пронизывала весь мегаполис от одного края до другого по широкой прямой, проходя мимо небоскрёба «Башня Хардклиф», где и находились уютные апартаменты Уильяма. Восьмиполосное шоссе делили на две равные половины трамвайные пути, блестящие сейчас в лучах утреннего солнца после работы поливальной машины.

Оптимальных вариантов было два: метро и трамвай.

Метро быстрее и стабильнее в плане расписания движения поездов, но до ближайшей станции необходимо было пройти два квартала, а сама подземка в часы пик напоминала огромный кишасший пчелами улей. Иной раз в сумасшедшей бушующей толпе можно было потерять не только личные вещи, но и верхнюю одежду.

Трамвай нравился Уильяму куда больше. Во-первых, сейчас маршрут был прямым, а это повышало количество номеров, следовавших до нужной остановки. Из двадцати семи возможных подходили четырнадцать. Во-вторых, конечная остановка находилась прямо напротив «Гиацинта». Ну, и в-третьих, трамваю были совершенно не страшны пробки. Три

положительных факта, и каждый из них существенно экономит время.

На принятие верного решения ушло незначительное число секунд, за которые Уилл успел пройти половину пути до станции посадки. Невдалеке так кстати показался нужный трамвай, и Уильям ускорил шаг, чтобы не упустить его.

Два полукруглых вагончика в сцепке, суженных по краям для улучшения аэродинамики, образовывали трамвайный состав. В салоне было заметно прохладнее, чем на улице, за счет кондиционирования воздуха, но, несмотря на то, что август в этом году и без того был не особенно жарким, эта прохлада воспринималась комфортно. Как бывает приятной порой приложенная ко лбу запотевшая бутылка с ледяным лимонадом в самый знойный день.

Оба вагончика оказались полупустыми, поэтому Уилл выбрал первое попавшееся свободное место у окна, положив сумку с ноутбуком на соседнее сиденье. Машинист не заставил себя долго ждать, и трамвай плавно, но при этом достаточно быстро заскользил вперед по центральной улице, выбивая колесами равномерное «тук-тук» в местах стыка рельсового полотна.

[звучит песня [битая ссылка] Dredg – Sang Real]

Странно, что люди пренебрегают этим удобным видом общественного транспорта в час пик, отдавая предпочтение метро или личному авто. И тем самым создают пробки и там, и там. Красивые кварталы за окном один за другим стреми-

тельно проносились мимо, оставаясь позади. Мертвый поток застывших машин и не думал иссякать. Очевидно, сегодня очень большой процент среди представителей рабочего класса получит выговор за опоздание на работу.

На пересечениях Второй и Шестой улиц с центральной Мейн пришлось немного задержаться, потому что автомобильный затор на этих перекрестках был особенно плотным, и водители безбоязненно проскакивали на желтый свет, а затем отрезаемые другим потоком были вынуждены ждать прямо на трамвайных путях, полностью блокировав движение состава. Машинист каждый раз терпеливо ждал нового сигнала светофора, ни в одном из случаев не предприняв попытки протаранить автомобиль, нарушивший правило, и в этом противоборстве победа была бы за двухвагонным составом, как ни крути. Но, несмотря на все задержки, Уильям оказался в условленном месте ровно через 30 минут.

Ресторан «Синий гиацинт» занимал второй этаж невысокого, пятиэтажного здания, оставшегося еще от старой застройки. Таких реликтовых сооружений в городе осталось ничтожно мало. Внутренняя обстановка была очень уютной, исключала кричащие тона и широкие пространства. Десять столиков отделялись высокими плотными перегородками, позволяющими полностью уединиться, а оставшиеся два занимали пространство глубоких оконных проемов, где полом служил сам подоконник. Именно эти места занимались в первую очередь. Они располагались чуть выше основно-

го зала, давали возможность полюбоваться городским пейзажем через толстое, зеркальное с внешней стороны стекло. Да и диванчики, казалось, там были намного мягче. И именно эти два места больше всего нравились Уильяму.

Сам по себе ресторанчик был скромным и неприметным. Начать хотя бы с того, что кирпичная пятиэтажка, вклинившаяся между двумя стеклянными гигантами небоскребов, не привлекала внимания вообще, а вывеска с крупной металлической конструкцией в виде пышного цветка совершенно не спасала положение. Даже вечером посетителей здесь было немного, так что несколько столиков оставались свободными. Владела этим тихим заведением семья Ричардсонов, отметивших в прошлом году пятидесятилетний юбилей совместной жизни. Рич Ричардсон и Марта Ричардсон.

Господь не наградил эту чудесную, добрую пару детьми, и, судя по всему, свою родительскую ласку они направили целиком и полностью в это гнездышко частного бизнеса. В эру сетевых корпораций и постоянной беспощадной конкуренции этому ресторану чудом удавалось удерживаться на плаву и даже приносить прибыль, но, скорее всего, это была заслуга постоянных клиентов, в число которых входил и Уильям. И он был несказанно рад, что такие тихие, спокойные и приятные заведения не перестают существовать. У каждого должно быть место, куда можно зайти отдохнуть от мирской суеты, и, где совершенно незнакомые люди будут тебе искренне рады не за твои чаевые или улыбку, а за то, что ты

просто зашел в гости и что ты такой, каков есть. Сам Уилл никогда не скупился на чаевые, которые порой даже превышали сумму заказа, и, которые приходилось незаметно прятать или в карман старику Ричардсону, или в меню, или еще куда-нибудь, потому что тот всегда был против. Честный заработок, по его мнению, состоял исключительно из наценки на блюда и напитки. Так он оценивал свою работу, воспринимая все остальное, как незаслуженную подачку – баловство, да и только.

«Зачем тогда, скажи, мне работать? Просто приходи и плати мне, раз ты такой щедрый!» – почти каждый раз ворчал Ричардсон.

«Тогда ты превратишься в старую ленивую задницу и не сможешь так же вкусно готовить, а твое меню заслуживает двойной оплаты,» – обычно отвечал Уильям и настойчиво отнекивался от возврата денег, которые находил старик.

А цены здесь были такими же скромными, как и сам ресторанчик. В целом, оставалось загадкой, как чете Ричардсонов удавалось содержать свое гнездышко, работать вдвоем за официантов, поваров, барменов, бухгалтеров и при этом быть самыми счастливыми людьми на планете.

До сегодняшнего дня Уильяму не приходилось посещать «Гиацинт» так рано; обычно вечером, реже в обед, если не возникало никаких дел. Но даже сейчас три из двенадцати столиков оказались заняты, что немного удивляло. В середине зала молодая парочка вела серьезную беседу, су-

дя по сконцентрированным взглядам, напряженным лицам и смелой жестикуляции. Либо они спорили, либо ссорились. Либо у них просто была такая манера общения, и они сейчас говорили о радуге, единорогах и порхающих бабочках, что готовы были вылететь из их животов.

Столик в самом дальнем углу, на который падало больше всего тени, занимал молодой человек в очках и клетчатом пиджаке старше его самого в несколько раз. Он увлеченно читал толстенную книгу в твердом переплете, такого большого размера, что, казалось, в ней могло бы поместиться собрание сочинений абсолютно всех представителей мировой классики в области литературы без сокращений. При его чрезмерной худобе книга вполне годилась в качестве якоря в особо ветреную погоду. Молодой человек, скорее всего, был преподавателем. Заумный, нудный, скучный, чье одиночество – принцип жизни, а чувство юмора не богаче, чем у фонарного столба.

На диванчике у окна сидел крупный мужчина в возрасте около сорока пяти лет. Уильям сразу направился к нему, распознав звонившего отметив про себя, что клиент угадал с выбором столика. Даже на расстоянии Уилл определил самые важные детали во внешнем виде незнакомца, составляя в голове психологический образ личности. Аккуратный темно-синий костюм и белая сорочка были идеально подогнаны по размеру и прекрасно сидели на полном теле. Пошиты по заказу. Галстук вишневого цвета туго затянут, полностью

скрывает самую верхнюю пуговицу на рубашке. Привык сохранять официальный вид даже в неформальной обстановке. Очевидно, требование серьезной должности, занимаемой уже долгие годы. Редящие темные волосы с одинокими себребристыми нитями седины были хорошо причесаны и профессионально уложены в незамысловатую, но скрывающую незначительные залысины прическу. Очки с толстыми линзами, нос-картофелина и рябая кожа на лице, как после заболевания натуральной оспой, – эти детали странным образом совершенно не портили его внешность, а скорее вносили положительные черты индивидуальности. При всех своих недостатках и полноте для своего возраста он выглядел свежо, ухоженно и обаятельно, как и полагается выглядеть состоятельному мужчине.

– Мистер Нортстром? – тихо произнес Уильям, поднявшись к столику и протянув правую руку в приветственном жесте.

– Детектив Кимберлинг, полагаю? – мужчина поднялся с дивана, выкатив на стол крупный живот, сдерживаемый ремнем и застегнутыми пуговицами рубашки, которые сейчас находились в неслабом напряжении, и с жаром ответил на рукопожатие. Его ладонь была пропорционально здоровенной, но на удивление ледяной, как будто перед самой встречей в ней был зажат комок снега. При этом в помещение было тепло и даже немного душновато, а, судя по пустой чашечке из-под кофе на столе, клиент успел угоститься од-

ной, а то и двумя порциями напитка, который здесь подавался исключительно горячим.

– Вы что-нибудь заказывали? Или мы сразу можем перейти к делу, не отвлекаясь на еду? – спросил Уильям, располагаясь на соседнем диванчике, прямо напротив собеседника. Тот уже тоже успел сесть.

– Только кофе. Мне сейчас совершенно не до еды.

– Прекрасно. Тогда расскажите все с самого начала, и не упускайте детали. Я буду вас иногда останавливать, если мне что-то покажется непонятным, и записывать некоторые моменты, если, конечно, вы не против, – во время своей реплики Уилл успел установить на столе рядом с собой ноутбук, отвернув экран от собеседника, чтобы тому не был виден текст. В своей работе он не любил, когда в момент напечатания кто-то читал его записи. Этот процесс был очень личным, например, в своих замечаниях он давал себе право называть клиента любым прозвищем для лучшего представления, что явно никому бы не понравилось. Вряд ли Эдвард Нортстром был бы в восторге, прочитай он фразу «встретился с мистером Картофелиной, у которого пропала дочь».

Еще до начала разговора Уильям отметил новую порцию деталей. Пепельница на столе была совершенно пуста. Не курит. Иначе за 20 минут ожидания в нервном состоянии он бы не отказался хотя бы раз поддаться вредной привычке. На столе рядом с ним не лежало никаких вещей вроде ключей от машины или мобильного телефона, что скорее го-

ворило о закрытой личности, чье доверие заслуживается годами. Сам же Эдвард Нортстром выглядел слишком спокойно для человека, у которого меньше двенадцати часов назад пропала дочь. Или же просто за этой маской спокойствия скрывалась титаническая выдержка.

– Что ж, – Эдвард снял очки, отчего его глаза из-за солидного числа диоптрий в линзах сейчас стали казаться крупнее, и аккуратно убрал их в нагрудный кармашек пиджака. – Ее зовут Линда. Позавчера исполнилось 23 года. Весной закончила медицинское училище с отличием по курсу стоматологии, с детства мечтала стать дантистом, но пока решила продолжить учебу в аспирантуре. На лето устроилась на подработку в ресторан на Сент Алерт, но, как говорила, платят настолько хорошо, что скорее всего останется там и на осень, будет совмещать с занятиями. Снимает квартиру в центре города на собственные деньги и полностью отвергает любую финансовую поддержку со стороны отца. Вообще очень целеустремленная, добивается своего по возможности, даже когда это кажется невозможным. Такой ребенок, как она, вызвала бы гордость у любого отца.

В новом текстовом файле Уильям записал только имя – Линда Нортстром. На данный момент это была единственная важная информация, потому что по имени можно было узнать все, о чем сейчас рассказывал Эдвард. Но Уилл ни в коем случае не прерывал и не торопил собеседника, внимательно вслушиваясь в детали.

– Вчера вечером Линда позвонила и попросила срочно приехать. Она не объяснила причину, а я почему-то не стал выяснять по телефону, просто оделся и поехал, – словно прочитав мысли Уильяма. Эдвард сразу переключился на нюансы, относящиеся непосредственно к делу. – Знаете, в дороге, я задумался над ее голосом тогда, он был каким-то необычным, чужим для нее. Мне даже на секунду показалось, что она была напугана. Но я не помню ни дня из всей жизни, чтобы Линда была чем-то напугана. Даже в раннем детстве она не боялась темноты.

Моя поездка заняла не более пяти минут, но я опоздал. Когда поднялся на этаж, дверь в ее квартиру была открыта настежь, в самой квартире пусто. В комнате и на кухне горел свет, а в духовке разогревался ужин, словно моя дочь была там меньше минуты назад, но внезапно испарилась. Все личные вещи, мобильный телефон были в квартире, она же не могла просто взять и уйти, оставив все так и даже не заперев дверь.

Больше мне, правда, рассказать нечего. Не уверен, что такой коротенький рассказ как-то поможет расследованию. А вы что скажете, детектив?

– В моей работе важны все детали, и, как правило, в живом общении их выявляется больше, нежели в телефонном разговоре, – Уилл отодвинул ноутбук подальше к окну, полагая, что больше ничего записывать не придется. – Надеюсь, вы обращались в полицию?

– Конечно. Я позвонил буквально через минуту, может, две после того, как осмотрел квартиру. Но до сих пор нет никаких новостей, поэтому я и решил обратиться к вам. Мне необходимо найти свою дочь, и ради этого я не пожалею никаких средств, – его взгляд стал настолько проницательным, что мог бы прожечь в мебели дыру.

– Хорошо, мистер Нортстром. Я задам вам несколько вопросов, чтобы кое-что уточнить. Эту квартиру Линда снимала одна или с подругой? Может, с молодым человеком?

– Совершенно одна, – ответ был настолько уверенным, что даже не вызывал подозрений. Точнее не вызвал бы подозрений у простого слушателя, но не у детектива. – В свое время она даже отказалась от предоставленного медучилищем общежития, чтобы никто и ничто не отвлекало ее от получения знаний. Я уже говорил, учеба была для нее на первом месте. Она мало с кем общалась, школьные подруги разъехались. А со студентками с курса, наверно просто не сошлась в интересах. Образно говоря, в какой-то мере она была затворницей. И, поверьте, если бы у Линды появился молодой человек, об этом событии я бы точно узнал.

– Понятно, – Уилл отметил про себя, что Эдвард мог ошибаться, упуская из внимания то, насколько подростки бывают скрытны и изобретательны во лжи, особенно когда дело касалось личной жизни, но не стал высказывать это вслух. – Линда вела себя странно и раньше или только в день исчезновения?

– Нет, только вчера, во время телефонного разговора. Она вообще очень сильная по характеру, вот меня и удивил ее голос.

– Часто ли вы видитеесь?

– Да, достаточно часто. Два-три раза в неделю. Иногда реже. Я стараюсь не обременять ее свободу своим частым присутствием. Но созваниваемся каждый день, так что я был в курсе всех новостей.

– Это хорошо. За детьми в любом возрасте необходимо присматривать, даже если они считают себя достаточно взрослыми.

– Да, это верно. Ведь они же не перестают быть нашими детьми.

– Мистер Нортстром, скажите, у кого есть ключи от квартиры Линды.

– У консьержа и у самой Линды. Да, еще один комплект у меня. Пару месяцев назад дочь сделала дубликат на всякий случай.

– Хорошо, – Уильям скрепил пальцы рук в замок. – Ну, что же, мистер Нортстром, я готов взяться за это дело. Мне будет необходимо посетить квартиру Линды, так что я бы хотел попросить у вас ключи на некоторое время. Разумеется, под расписку. Пока информации очень мало, поэтому ничего утешающего сказать не могу. Вечером я с вами свяжусь.

– Знаете, я тут подготовил кое-что к нашей встрече... – Эдвард передал через стол пухлый конверт из плотной тем-

ной бумаги. Первым документом, оказавшимся внутри, был печатный бланк, официально разрешающий обыск в квартире Линды, выписанный на имя Уильяма Кимберлинга сегодняшним числом. Подпись Эдварда в графе ответственного лица, печать – все как полагается.

– А вы неплохо подготовились.

– Думаю, это немного экономит время. В конверте вы также найдете все ее документы и мой дубликат ключей. Что касается расходов. Давайте...

– Давайте вернемся к этому вопросу позже, – бесцеремонно перебил Уильям. – Я так не работаю. Как только дело сдвинется с мертвой точки, когда будет хоть какой-то результат, вот тогда и обсудим гонорар.

– Как скажете, – с некоторым удивлением ответил Эдвард, вернув очки на переносицу. – Главное, что дело уже сдвинулось с мертвой точки просто потому, что за него взялись вы.

Уильям отрицательно относился к похвалам в свой адрес, но старался не показывать своего раздражения. Он не считал себя первоклассным детективом, лишь старался выполнять свою работу качественно. А похвала была просто излишней. Разве мы хвалим заводского пекаря, когда покупаем в магазине свежий хлеб, который еще не успел остыть? Или Генри Форда, основавшего 130 лет назад компанию, выпустившую автомобиль, на котором ты каждый день едешь на работу? Это просто их работа, которая не нуждается в похвале. По этой причине Уильям не мог понять, откуда взя-

лась привычка аплодировать пилоту, за удачное приземление, как будто в его обязанностях допускался другой, менее благоприятный результат.

– Я собирался позавтракать. Не хотите составить мне компанию?

– К сожалению, нет. Второй день не могу проглотить ни кусочка, – Эдвард боком продвинулся по сиденью и вылез из-за стола. – Вы думаете, к вечеру уже будут результаты?

– Ну, о результатах пока говорить рано, но я с вами свяжусь в любом случае. Возможно, к вечеру у меня появятся новые вопросы. Извините, что не кормлю вас ложными надеждами, боюсь, в этой работе я стал слишком прагматичен.

– Самую горькую правду лучше узнавать сразу. Фальшивое утешение от иллюзий уж точно не сделает жизнь лучше.

С этими словами он пожал руку, расплатился на выходе с миссис Ричардсон и покинул «Синий гиацинт». Уильям смотрел мистеру Нортстрому вслед, пока входная дверь не закрылась за его спиной.

– Свидание? – усмехнувшись спросил старик Ричардсон. Он стоял недалеко от столика, за которым сидел Уилл, скрестив руки на груди, и до этого не издавал ни звука, поэтому создавалось впечатление, что он просто возник из воздуха секунду назад.

– Увы, он не в моем вкусе, Рич. Мне больше нравятся зрелые состоятельные мужчины возраста ближе к семидесяти. Угостить тебя чашечкой кофе, старый дуралей?

– Извини, парень, я женат. Но могу оставить твой телефончик моему студенческому товарищу. Он на старости лет совсем свихнулся, может, его и заинтересует твое предложение. Правда, он ходит с трудом. И только под себя.

– Давай лучше поговорим о завтраке, пока ты окончательно не испортил мне аппетит.

– Я все ждал, когда ты меня остановишь. Выбрал что-нибудь?

– На твое усмотрение. Но сперва большую чашку крепкого черного кофе.

– Ладно, пойду скажу своей старушке, что пора забивать лося на жаркое.

– А холопам, что пора собирать зерна кофе.

– Вот именно, – сказал старик и ушел на кухню.

Уильям хотел было подробнее ознакомиться с содержимым конверта, но через секунду передумал, решив сначала в полной мере насладиться завтраком, а уж потом погружаться в работу. Через пару минут подошла миссис Ричардсон и поставила на стол чашку кофе и маленькую емкость со сливками. Одарила Уильяма приветливой улыбкой, на что тот ответил благодарностью и помог переложить предметы с подноса. Сизое облачко пара стелилось по поверхности такого желанного сейчас напитка и напомнило Уиллу о пропущенной утренней сигарете. Кофе и табак стали для него своего рода ритуалом, с которого начинался каждый божий день, вроде зарядки, пробежки или чистки зубов, но, в отли-

чие от вышеупомянутых примеров, совершенно не несущим никакой пользы кроме душевного умиротворения. И сейчас никотиновый голод, усиленный долгим ожиданием, воспринимался острее.

Уильям неспешно опрокинул в кофе порцию сливок, которые ухнули в темную бездну и замерли еле подвижным облаком взрыва в несколько килотонн. Сахаром он пренебрегал, считая, что сладость перебивает весь вкус напитка, будь то кофе или чай. Пламя зажигалки лизнуло папиросную бумагу и табак, но моментально образовавшийся темно-серый пепел резко зарделся огненно-красным от первой глубокой и, как правило, самой приятной затяжки. Уилл несколько секунд подержал дым в легких, наслаждаясь медленной мучительной смертью, после чего расслабленно выдохнул вверх плотное облако, которое тут же унеслось в систему вытяжки под потолком. Крупный глоток остуженного сливками кофе прекрасно дополнил ритуал в стиле знаменитой кинокартины Джима Джармуша.

Пейзаж за окном был не самым богатым и привлекательным: обычная дорога, обычные скучные деревья с начинающей сохнуть и желтеть листвой в преддверие скорой осени, обычное здание напротив, ничем не отличающееся от других по всей улице, – такое-же высокое и сплошь состоящее из зеркального стекла. Даже люди обычные, все в разной одежде. Но цветовая гамма, на удивление, была примерно одинаковая, как будто бы жители этой части города одева-

лись в одном магазине, где всегда была одна и та же сезонная коллекция. Но сейчас, в данную секунду, отсюда, из-за стекла, тот суетливый и обычный мир, казалось, вдруг сильно сбавил обороты. Люди перешли с бега на шаг. Машины в вялотекущем потоке еще сильнее снизили скорость. Даже тончайшая нить струйки дыма от зажатой в пальцах сигареты, подгоняемого потоками поглощаемого вытяжкой воздуха, и та двигалась быстрее чем тот мир за прозрачной преградой.

Мысли Уильяма были готовы в любую секунду соскочить к теме работы, но, слава Богу, миссис Ричардсон принесла завтрак. Во главе стола теперь стояло широкое блюдо с пышным облаком омлета, воздушного до такой степени, что, казалось, если его быстро не съесть, он просто упорхнет в небо. Рядом соседствовали две тарелки: одна с высокой стопкой блинчиков из тонкого теста, щедро политых клубничным джемом, вторая с пирамидой различного рода сэндвичей с ветчиной, сыром, семгой, беконом. По количеству принесенной еды, которая сейчас занимала весь стол, можно было подумать, что завтрак рассчитан на троих. Но, поскольку в «Гиацинте» Уильям был частым гостем, Ричардсоны знали о его крупных аппетитах, потому и порции для него были несколько больше стандартных. Уилл действительно ел много, но это, как ни странно, совершенно не отражалось на его телосложении. Видимо, вся энергия расходовалась на активную мозговую деятельность, просто-напросто не давая нане-

сти ощутимый вред стройной конституции молодого человека, несмотря на его пренебрежение к регулярным физическим упражнениям. Крепкий кофе с сигаретой, пицца каждый день и злоупотребление крепким алкоголем не могли не оказать отрицательного влияния на организм, тем более что такой образ жизни длился последние три года. Однако Уильям всегда выглядел свежим, подтянутым и в меру подкачанным. Поэтому и в этот раз он безбоязненно и с удовольствием расправлялся с чудесным завтраком, по-домашнему приятным и таким уместным после каждодневных бургеров, суши и салатиков из кафетерия. Полностью утолить голод ему удалось только заказанными сверху четырьмя шариками ванильного мороженого с миндальной крошкой, которые и поставили в утреннем рационе жирную сладкую точку.

ГЛАВА 3

Около 40 минут после завтрака Уильям потратил на подробное изучение биографии пропавшей девушки. Ричардсоны знали о сфере его работы, поэтому даже не подходили к столу, как только Уилл приступал к делам. Сейчас он сосредоточенно работал за ноутбуком, совершенно не замечая ничего вокруг.

Имея под рукой устройство с выходом в интернет, Уильям мог из любой точки мира обратиться к базе данных с личной характеристикой на какого угодно человека, внесенного в систему. Такими правами обладали очень немногие, начиная с представителей специализированных служб и заканчивая самим президентом. Поэтому, чтобы простой парень с лицензией частного детектива оказался в списке избранных, в свое время пришлось дернуть за немалое число ниточек. Зато теперь это значительно упрощало работу, порой экономило до нескольких суток, за которые в обычной обстановке полицейский департамент рассматривал запрос на предоставление личной информации и либо давал добро, либо отказывал. Доступ к базе данных осуществлялся введением идентификационного номера, закрепленного за пользователем, и ключа-пароля. Казалось бы, слишком просто для защиты архива с таким уровнем допуска. Однако вводимые данные принимались, только если их вносил сам

пользователь лично. Система считывала показатели с фронтальной камеры устройства, силу и скорость ввода символов и, Бог его знает, что еще, и блокировалась, если происходило какое-либо нарушение. Если же какому-то компьютерному гению однажды удастся обойти эту защиту, скорее всего, жить ему останется менее минуты, потому что пока что за хакерство не начали награждать медалями.

Поиск по запросу Линды Нортстром занял не более минуты. Оказалось, что в Миллениуме лиц с такими именем и фамилией немного. Три девушки, из которых только одной было 23 года, и исполнилось 12го августа, позавчера, как и сказал Эдвард. На экране высветились основные элементы биографии в сжатой форме и несколько фотографий самой Линды и ближайших родственников. На цветном изображении хорошего качества красивая миловидная девушка с мягкими чертами лица лучезарно улыбалась и смотрела куда-то в сторону. Создавалось впечатление, что снимок был сделан скрытно или неожиданно, потому что она совершенно не была готова к съемке, а, возможно, даже не догадывалась о ней. Однако природная привлекательность и обаятельность девушки, плюс ничтожная доля профессионализма таинственного фотографа, улучившего подходящий миг, отразились на снимке в полной мере. Она выглядела просто очаровательно. Фото захватывало крупным планом и уголок плеча, скрытого тонкой материей легкого летнего платья настолько белоснежного, что, казалось, излучало свет. Несмот-

ря на миловидность и кажущуюся хрупкость, детские черты давным-давно стерлись с ее личика, а за самой головокружительной, искренней и теплой улыбкой скрывался сильный, стальной характер, упомянутый отцом.

Но больше всего поражали ее глаза: небесно-синий, цвет осеннего неба, проступившего в бреши между облаков, отчего ярче ощущается контраст; и изумрудно-зеленый, темный, насыщенный, глубокий, как морская бездна. Ее радужки были разного цвета. Такое редкое и необычное явление получило название гетерохромия, и не особо распространено среди людей, нежели у других млекопитающих. Частичная или секторная гетерохромия, то есть когда по цвету различаются лишь участки радужек, встречается чаще. Случай Линды Нортстром был один из сотни миллионов. Эта красивая, и поражающая своей необычностью мутация в сочетании со светло-золотистым оттенком длинных чуть вьющихся волос создавала невероятный образ, притягивающий взгляд подобно самому сильному в мире магниту.

На следующем снимке Линда была уже не одна, а в окружении своих родителей: отец слева, мать справа. На этот раз все смотрели в объектив, стараясь замереть в самом лучшем виде и при этом не закрыть глаза. Линда здесь была значительно моложе, а Эдвард худее. Что же касается матери, ее Уильям видел впервые. Ее глаза имели красивый голубой цвет. Эдвард же смотрел в объектив двумя изумрудами. Удивительно, как два сильных родительских гена не вступили

в противоборство, а сложились в такое необычное компромиссное решение в лице дочери.

Уильям бегло просмотрел информацию о матери. Оказалось, Эмили Нортстром погибла при пожаре в башне «Астролябия» четыре года назад. Уилл помнил ту ужасную катастрофу, в которой число жертв измерялось десятками, и мать Линды попала в их число. Снимку же было пять лет. Самое счастливое время для семьи Нортстром.

Уильям с самого начала догадался, что родители Линды не живут вместе (обычно в делах по исчезновению или похищению ребенка на встречу с детективом приходят двое, на руке у Эдварда отсутствовало обручальное кольцо, а в коротком рассказе о дочери Эмили не упоминалась ни разу даже косвенно), но не думал, что имеет место трагическая смерть.

Сжатый текст биографии Линды подтверждал перечисленные отцом факты из жизни дочери. В базе данных имелись адреса медицинского училища, съемной квартиры и места работы. Последняя запись в досье гласила, что девушка считается без вести пропавшей. Значит, за 12 часов полиция не смогла ее найти, иначе бы эта фраза отсутствовала.

Неожиданно для самого себя Эдвард в своем коротком рассказе открыл значительно больше полезной информации, чем могло показаться сначала, причем таких деталей, которые не отыскать в базе данных.

Отношения с отцом очень хорошие. Созваниваться каж-

дый день и быть в курсе всех событий, не исключая личную жизнь, да еще когда ребенок уже достаточно взрослый и самостоятельный – наивысшая степень взаимоотношений родителей и детей, вызывающая восторг.

Ключи имелись лишь у троих. Эдвард сказал, что дверь была открыта настежь, но не упомянул о взломе, значит, скорее всего, был использован ключ. Или же Линда сама открыла дверь изнутри кому-то знакомому. Но сперва стоит установить: был ли все-таки взлом или нет.

Какой бы затворницей она ни была, у нее должна быть хотя бы одна хорошая подруга, с которой она делится всем. Даже самый категорический одиночка не может быть одиноким на все сто процентов, ведь человек социален по своей природе. Правда, вот о подруге Эдвард как раз и не упоминал.

Уильям отметил для себя три места, с которых следовало начать расследование в самое ближайшее время: квартира Линды, чтобы увидеть воочию, где девушка была в последний раз, полицейский участок, чтобы сравнить детали и наблюдения с заключением патрульных, и ресторан на Сент Алерт. За два месяца работы Линда явно подружилась с кем-то из персонала. Начало положено.

Уилл внес адреса квартиры и ресторана в телефон, и навигатор вывел на карте города самые короткие и удобные маршруты до обеих точек. К сожалению, на трамвае до улицы, на которой жила Линда, добраться было невозможно, несмотря даже на то, что это был самый что ни на есть центр

Миллениума. Но всегда оставалось метро, тем более в данное время поток обезумевших людей, спешащих на работу, должен был иссякнуть.

Уильям быстро собрал все вещи в сумку, подоткнул под пустую чашку из-под кофе две тысячные купюры и направился к выходу. У самых дверей он горячо поблагодарил миссис Ричардсон за чудесный завтрак и расплатился по чеку. Старик Рич хлопотал за барной стойкой чуть в стороне и не видел, что Уилл уже уходит.

– До завтра, Ричардсон, – детектив махнул рукой и, поправив сумку на плече, вышел на улицу.

– А ну, стой! Марта, задержи его! Этот паршивец, наверняка, спрятал деньги в салфетнице, – но захлопнувшаяся дверь отрезала протестующую речь старика.

Вслед за Уиллом из ресторана никто не вышел, никто не стал его догонять, но он на всякий случай ускорил шаг, направившись к ближайшей станции метро.

ГЛАВА 4

[звучит песня [битая ссылка] Рое – Control]

Центральная улица Мэрил Стрим была на удивление узкой и до неприличия короткой. Несмотря на глобальную перестройку всего города в 2012 году, с которого и началось возведение высоченных небоскребов и башен из зеркального стекла, структуру улиц решили сохранить в дань памяти. Под снос пошли практически все постройки старого времени, кроме тех, что представляли историческую ценность. На мертвом поле стали закладываться фундаменты башен, пришедших на смену таким ничтожно маленьким и унылым, как кажется сейчас, жилым домам в четыре, пять и девять этажей из серого или красного кирпича. Одновременно началось строительство метро, которого прежде не было и в помине. И так, за какие-то три года Миллениум возродился из пепла подобно фениксу – обновленный и прекрасный.

За последующие пять лет город разросся в десятки раз: появились широкие магистрали, новые небоскребы, казалось, соревновались в высоте. Несколько веток метро переплелись в запутанную сеть, охватывающую практически все уголки мегаполиса. А сейчас, спустя 20 лет после начала перестройки, Миллениум считался одним из самых крупных и развитых городов Подмосковья.

Поскольку «Синий гиацинт» находился практически на окраине города, Уильяму потребовалось больше получаса, чтобы добраться до Мэрил Стрим, дважды пересеживаясь с поезда на поезд в местах пересечения ветвей метро. В 11 утра подземка не становилась безлюдной. Но теперь общую массу составляли лишь мамы с такими маленькими детьми, беззаботность жизни которых просто зашкаливала; одинокие студенты, занятия у которых начинались с третьей «пары»; пожилые женщины, которые, казалось, безвылазно жили в метро, всегда испытывали надобность куда-то ехать и всегда с достоинством захватывали все свободные места по праву старшинства.

Сама улица тоже стала пустынной. Несмотря на узкий проезд, пробка здесь рассосалась и, по всей видимости, уже давно. Как показывал навигатор, путь до дома Линды занимал не более километра, который Уильям решил преодолеть пешком. После прохлады метро не самый жаркий августовский день воспринимался значительно теплее, особенно когда солнце выползало из-за низких кучных облаков и поливало спину горячим светом.

Всю дорогу Уильям никак не мог взять в толк, почему он так легко согласился на это дело без малейших раздумий. Ни секунды сомнений или колебаний, и твердое «да!». Дела с исчезновением детей наиболее сложны и запутаны, чем даже некоторые замысловатые убийства. Понять истинную причину исчезновения, будь то злой умысел с целью вымо-

гания выкупа, обыкновенные прятки в лесу, которые зашли слишком далеко, или даже сокрытие тела, порой оказывается невозможным, и расследование заходит в тупик. Итог исчезновения может быть совершенно непредсказуемым, иной раз настолько, что к такому невозможно подготовиться. Случалось, подростки из хорошо обеспеченных семей устраивают ложное похищение самих себя, якобы с целью выкупа. Оттягиваются недельку на островах, посылая домой слезливые видео с театрально разыгранным спектаклем, где заплаканное чадо просит родителей не обращаться в полицию, а просто заплатить похитителям. Иногда ломая палец на руке для пущей убедительности. И, в конце концов, богатенькие мама и папа переводят на неизвестный счет кругленькую сумму, а их бедное бездушное дитя с опухшими глазами от соленой океанической воды, а не от слез, возвращается домой на радость родителям в целости и сохранности да еще с большим денежным кушем под мышкой на карманные расходы. И зачастую никто не верит, что ребенок мог такое проверить. Но в практике Уильяма встречались и такие варианты. И пусть доказать вину удавалось не всегда в силу отсутствия улик, но он всегда добивался правды. Хотя бы для себя.

Исчезновение – дело всегда рискованное, от которого лучше бы держаться подальше, что Уилл старался делать в последние годы. Почему такое рвение в этот раз? Что такого убеждающего было в словах Эдварда Нортстрема или в нем самом? Может быть, потому, что Уильям разделял его боль,

как отца, переживающего за своего ребенка, ведь он и сам был отцом...

Уилл резко сбил ход мыслей, потому что они внезапно затронули запретную тему, к которой он всеми силами старался не возвращаться уже достаточно долгое время. Но каждый раз стена отстранения, которую скрупулезно выстраивал по кирпичику, вмиг рушилась, повергая его в шок.

Волна ледящего, чуть ли не оставляющего слой инея, холода пробежала по спине Уильяма. В последнее время такое случалось с ним реже, чем когда-то раньше, но, когда эта жуткая сила возвращалась после затишья, он буквально цепенел от ужаса. В этот момент телефон пискнул, подтверждая, что была достигнута конечная точка маршрута, и страх, не успевший перерасти в приступ паники, отступил. Не исчез без следа, но уже и не оказывал такого сильного влияния.

Действительно, по левую руку возвышался привлекательный невысокий дом, выполненный в стиле старой Англии. Двенадцатиэтажное здание оканчивалось высокой остроугольной крышей, начинающейся с двух последних этажей. Острые углы практически отсутствовали за счет скруглений. Облицовочный кирпич темно-бардового цвета с декоративными выщерблинами и неровностями, создавал впечатление каменной кладки. Квартир в таких домах было немного из-за широкой, размашистой планировки, что прямо пропорционально влияло на цену. Даже однокомнатные апартаменты

стоили такой суммы денег, значение которой оставило понятие заоблачности далеко позади. Сколько же сейчас платят официанткам в ресторанах, задумался Уилл.

На табличке у входа золотом переливались складывающиеся в надпись буквы на русском и английском языках: «Мэрил Стрим, 24». Высокие двойные двери с электронным замком, открывающимся при помощи чипа. Камера, скрытая под небольшим полукруглым козырьком над входом. Территория дома и огороженный забором участок были под постоянным наблюдением, что накидывало к арендной плате некоторый процент.

Уильям некоторое время топтался у входа, делая вид, что ищет ключи. Он действительно их искал, но при этом краем глаза успел внимательно изучить электронный замок. Рядом с квадратным углублением для чипа располагалось устройство связи и ряды кнопок с номерами квартир для соединения с жильцами. Кнопка вызова консьержа была соответственно подписана и для отличия выделена красным.

Уильям хотел поговорить с консьержем, но делать это через динамик было бы не совсем корректно. Поэтому он уверенно выхватил из сумки связку ключей, переданную Эдвардом в конверте с документами. На расстегивающемся колечке висели три ключа и небольшой стеклянный кубик на цепочке, больше похожий на брелок. Он был сплошь прозрачный, но во внутреннем пространстве были видны хаотично разбросанные белые черточки и точки – система ко-

дировки. Кубик идеально поместился в квадратном углублении на замке, и, стоило только двум поверхностям соприкоснуться, как что-то внутри двери щелкнуло, и створка нешироко распахнулась.

Впереди приветливо раскинулся широкий вестибюль с высоченными потолками, больше походивший на холл в дорогом отеле или в театре, но никак не в обычном жилом доме. Прямо у самых дверей располагалась длинная тумба по пояс высотой, выполненная из темного дерева и декоративного камня. За ней сидела пожилая женщина в строгой форме темно-зеленого цвета, тут же поднявшая на Уильяма взгляд. Детектив слегка кивнул и коротко поздоровался, на что консьерж ответила таким же коротким приветствием. Ее явно удивило появление незнакомца – работа обязывала знать всех жильцов и их близких в лицо – но спросить вслух она так ничего и не решилась. Впрочем, вероятно, наличие у гостя ключей на нее подействовало успокаивающе.

Уильям отказался воспользоваться лифтом (молчаливая старушка, хоть и не проронила ни слова, не сводила с него пристального, изучающе сверлящего взгляда, который чувствовался даже спиной), чтобы как можно скорее покинуть вестибюль. Да и подниматься-то предстояло всего лишь на третий этаж.

Квартира номер 9 располагалась ближе всех к лестнице. Высокая, массивная, металлическая дверь запиралась на три замка и была такой большой, что в проем можно было спо-

койно проехать на машине, тем более, что габариты квартиры позволяли выделить в комнате место для парковки. Во всяком случае, апартаменты Линды оказались раза в четыре вместительнее каморки Уильяма, хотя и то и другое являлось однокомнатной квартирой.

Уиллу не потребовалось много времени на изучение двери, чтобы понять, что никакого взлома точно не было, иначе остались бы характерные следы. Из трех замков запорты были только два верхних, и ключи к ним блестели заметно ярче из-за постоянного использования, тогда как последний сильно потускнел. Уильям вставил ключ в скважину нижнего замка и провернул сначала в одну сторону, затем в другую, убеждаясь в слаженной работе механизма. Вероятнее всего, он просто не использовался за ненадобностью, ведь дом и так хорошо охранялся. Дополнительно с внутренней стороны на двери был засов. Видать, хозяева трепетно относились к личной безопасности, что здесь даже прослеживалась некая маниакальность. Правда, ни на одном из трех окон не было решеток. Но, возможно, они просто ограничили электрическим током, смертельным ядом, которым пропитали снаружи оконные рамы, и скрытыми в стенах восьмиствольными автоматическими турелями, уничтожающими любого нежданного гостя.

Обстановка в квартире была очень милой и уютной, несмотря на простор. Каждый метр стены или пола не прозябал в пустоте, а использовался в той или иной степени, будь

то предмет мебели, осветительный прибор, картина, скульптура или ковер. И повсюду, везде, где только возможно, комнатные растения. Море растений.

Уилл обошел всю квартиру, внимательно оглядывая каждый уголок и иной раз простукивая стены на наличие скрытых пустот. На голом полу кое-где были заметны следы от обуви, принадлежащие, очевидно, патрульным и Эдварду. Отчетливо угадывался отгиск протекторов от обуви, входящей в комплект полицейской формы, подсвеченный лучами солнца, сквозившими через окна. Следов было мало, бесчисленные ковры скрывали любые отпечатки. В прихожей на ковровом покрытии был такой длинный ворс, что в нем без труда смог бы спрятаться человек, что уж и говорить о каких-то там еле заметных следах. Уильям не особенно рассчитывал на отпечатки обуви возможного злоумышленника, так как за последние 12 часов в квартире побывало слишком много народу.

По идеальной чистоте и музейному порядку, что каждый предмет находился на своем месте, а на поверхности не было ни одной пылинки, Уилл очередной раз убедился в ответственном отношении Линды буквально ко всему. Даже земля в некоторых цветочных горшках была еще влажной, а значит, придя вчера вечером с работы, она, прежде чем поужинать, полила все растения, что при их огромном количестве заняло немало времени.

Девушка любила читать. В комнате стоял небольшой

книжный шкаф со старенькими изданиями разных авторов. Но, несмотря на потрепанность от времени, книги содержались в чистоте и порядке. Один из томов лежал на письменном столе с закладкой посередине. На старенькой повыцветшей обложке крупными буквами были написаны имя автора и название: Майн Рид – Морской волчок. Уильям пролистал несколько страниц и вернул книгу на место.

В итоге удалось установить только одно: дверь не была взломана. Вариантов немного: либо возможный злоумышленник воспользовался ключом консьержа, либо Линда сама его впустила. Все-таки изнутри удобнее запирается не на ключ, а на засов, который не открыть снаружи. И им явно регулярно пользовались. Уильям склонялся к тому, что открывала дверь именно Линда. Вопрос лишь в том, было ли кому открывать? Возможно, девушка просто ушла из дому, бросив вещи. В общем, оставаться здесь больше не было никакого смысла, квартира была совершенно пуста.

– Еще раз здравствуйте, – Уильям скромно улыбнулся сохранявшей строгий, но любопытный взгляд бабушке-консьержу, которую отвлек на этот раз от чтения сегодняшней газеты. – Я ищу девушку по имени Линда Нортстром. Мне сказали, что она арендует здесь квартиру. Не подскажете, где я могу ее найти?

– Да, здравствуйте, – она смерила Уилла еще более подозрительным взглядом. – Но для начала я бы хотела узнать

ваше имя. И какова причина вашего интереса к этой девушке? – ее голос был сухим и хриплым, что говорило о каком-то давнишнем заболевании, долгие годы развивающимся в пожилом теле, но, несмотря на возраст, держалась она бодро, ответственно подходя к обязанностям своей профессии, а лицо даже за сеткой морщинок сохранило отпечатки былой, но некогда утраченной красоты.

– Меня зовут Уильям Кимберлинг, и я частный детектив, – на лакированную поверхность тумбы легла пластиковая карточка, подтверждающая личность, должность и наличие лицензии. – Эдвард Нортстром, отец Линды, нанял меня для расследования.

Марла – так звали женщину, судя по позолоченной полоске с именем и должностью, пристегнутой к нагрудному кармашку пиджака, – внимательно изучала карточку некоторое время, повертев ее в руках и поднеся поближе к глазам. И постепенно морщинки на ее лице разглаживались, а холодок подозрительности, застывший сначала тонкой коркой льда, начал заметно таять.

– Похоже на правду, – ответила она, вернув пластинку на стол, и Уильям сразу же убрал ее в карман. – То есть с полицией вы никак не связаны?

– Не совсем. Я веду свое расследование, они – свое. Иногда делимся сведениями. Скажите вчера во второй половине дня была ваша смена?

– К сожалению, или, к счастью, молодой человек, но здесь

всегда моя смена. Работаю одна. Да и живу тоже одна здесь же, на самом последнем этаже. Работа ужасно скучная, но я не жалуясь.

– Зато вам не приходится часами трястись в метро или стоять в пробках каждый день, чтобы добраться до места работы.

– Это уж точно. Да и метро я переношу очень плохо. Правда, наш лифт тоже неприятно потрясывает, – на этот раз Марла даже слегка улыбнулась, сверкнув до зависти ровными и явно искусственными зубами. – Так это похищение? – вдруг спросила она, и ее улыбку как ветром сдуло.

– Как раз это я и пытаюсь выяснить. Расскажите мне все, что знаете.

– Рассказывать особенно нечего, – Марла переступила с ноги на ногу и облокотилась обеими руками на тумбу. – Моя смена длится до 9 вечера, но я обычно ухожу позже. Я уже говорила, что живу одна, поэтому нет особой надобности торопиться домой. Вчера задержалась дольше обычного: увлеклась одной занимательной книгой и не смогла оторваться, пока не прочла до конца. Французский писатель Гектор Мало, а роман называется «Без семьи». Обязательно прочтите, если найдется время, это просто невероятная книга.

В глазах Марлы зажегся воодушевленный огонек. Эмоциональный всплеск был таким сильным, что на какой-то миг Уильяму показалось, будто женщина помолодела на десяток

лет. Все ее движения были полны бодрости, сочились энергией. Через несколько секунд, правда, ее пыл немного поугас, потому как поняла, что ушла в своем рассказе немного не в ту сторону. Но огонек в глазах так и остался гореть.

– В общем, дочитала книгу. И вот уже собралась уходить, как внезапно появился мистер Нортстром. Я уже давно с ним знакома. Хороший человек. Очень вежливый, статный, всегда поздоровается и поинтересуется здоровьем. Но вчера влетел, как сумасшедший, и пронесся мимо, не сказав ни слова. Никогда прежде не видела его таким. Уже тогда я насторожилась, но не зная, что предпринять, осталась просто ждать на своем месте. А минут через десять зашли двое патрульных. Они поинтересовались, на каком этаже живет Линда, и затем поднялись на лифте.

– Во сколько точно появился мистер Нортстром? – Уилл старался избегать имени в обращении к Марле. Из-за большой разницы в возрасте это было бы несколько невежливо. Странно, что на бейдже не указывалась фамилия, что упростило бы способ обращения.

– Было пятнадцать минут одиннадцатого. Обычно я не задерживаюсь настолько, поэтому и запомнила время, когда стала собираться. А буквально через секунду на пороге появился мистер Нортстром.

– А Линда во сколько вернулась домой?

– О, она всегда приходит в одно и то же время – ровно в девять, как по расписанию, – ответила Марла.

Уильям отметил про себя, что между возвращением девушки домой и ее исчезновением прошло чуть больше часа.

– Вы не заметили вчера в поведении девушки какие-нибудь перемены? Что-нибудь вызывало подозрения?

– Я бы сказала, нет. Вежливостью она точно пошла в отца. Вчера Линда поздоровалась, узнала, что за книгу я читаю, сказала, что сильно устала после долгой смены. Ничего необычного.

– Ясно. А скажите, приходил ли к ней кто-то еще в промежутке между девятью часами вечера и началом одиннадцатого?

– Ни к ней, ни к кому-либо еще. Следующим, кто появился в этом доме после Линды, был ее отец, и к тому моменту девушка уже исчезла.

Значит, возможных друзей, заглянувших по приглашению можно сразу исключить. Если же в здание больше никто не заходил, вывод напрашивался только один: возможный злоумышленник уже находился здесь.

– Она разговаривала с вами перед уходом?

– В том-то и дело, что она не уходила, детектив, – Марла многозначительно пожала плечами. – До появления мистера Нортстрема я находилась здесь и ни за что бы не пропустила ни одного проходящего мимо человека. Полицейские тоже были в замешательстве, услышав это, но они больше склоняются к тому, что я старушка, и со зрением и вниманием у меня могут быть проблемы.

– Скажите, были ли у нее друзья, среди тех, кто живет по соседству? – Уилл теперь достал блокнот и ручку на случай, если придется записывать имена, но получил твердый отрицательный ответ.

– Совершенно исключено. Знаете, сколько стоит жилплощадь в этом доме? На самом деле лучше даже не знать. Квартир здесь немного, но из-за дороговизны в собственность перешла только треть из них. Хозяева в основном богатые, самодостаточные люди из такого окружения, в котором Линда уж точно никогда не окажется. Ну, а сейчас пора отпусков, в летний период дом практически пустует. Все разъехались, остались только я, Линда и миссис Оурел с десятого этажа, но на этой неделе она работает и вернется только во вторник.

– А что касается хозяев той квартиры, которую арендует Линда, где их можно найти?

– Они уехали жить в Италию насовсем. В спешке хотели поскорее продать эту квартиру, но не смогли найти покупателя, поэтому решили сдавать по минимальной ставке. Линда просто вовремя нашла объявление. Так она оказалась здесь.

– Полагаю, ей невероятно повезло с таким хорошим и выгодным вариантом, подвернувшимся так кстати, – отметил Уильям, отсекая в мыслях всех соседей из списка подозреваемых. Злоумышленник мог быть незнакомцем или, что хуже, тайным другом, о котором не знал никто кроме Линды, а это усложняло расследование. То есть, это мог быть кто угодно,

а значит, пока нет никакой зацепки. – Я заметил камеру над входом. Скажите, в доме еще где-нибудь установлены камеры?

– Да, но не очень много, – ответила Марла. – Владельцы квартир в свое время выступили против, потому что это якобы вмешательство в их личное пространство. На этажах камер нет. Под наблюдением только лестницы, кабина лифта и наружный участок дома. Полицейские тоже интересовались записями с камер и даже сделали копии.

– Если вас не затруднит, я бы хотел попросить вас тоже сделать копию, – камеры могли зафиксировать злоумышленника, и это стало бы ключом к раскрытию дела.

– У меня есть заготовленный дубликат на случай, если кроме полиции за дело возьмется кто-то еще. Видать, не прогадала, – Марла недолго копалась в выдвижном ящике тумбы и затем протянула Уиллу малюсенький диск в прозрачном плоском контейнере размерами чуть больше монеты. Такие носители информации уже давно вышли из обихода, и было очень неожиданно встретить подобный раритет. – Только вы там все равно ничего не найдете. На записях ничего нет.

– Возможно, мне все-таки удастся найти что-то интересное, – ответил Уильям, зажав крохотный диск между пальцев. – Еще один вопрос: скажите, есть ли выход на крышу?

– Конечно, есть, детектив, на последнем этаже, как и полагается. Но дверь всегда заперта, а ключ есть только у меня, – Марла дважды стукнула указательным пальцем по крышке

тумбы. – А охранник я надежный.

– О, в этом я не сомневаюсь, – шутка не могла не вызвать улыбку на лицах обоих собеседников. – А ключ от квартиры Линды тоже у вас?

– От всех жилых квартир. Не волнуйтесь, все они заперты в сейфе.

– Уверен, что с вашей компетентностью в этом не было необходимости.

– Не подлизывайтесь, молодой человек. Учтите, лестью вы от меня ничего не добьетесь, – серьезно сказала старушка, но вдруг весело рассмеялась. Марла оказалась той еще шутницей. Только сейчас Уильям заметил, что на все время разговора из ее голоса совершенно исчезли хрипотца и приглушенность.

– В принципе вы ответили на все интересующие меня вопросы, – сказал Уильям, убирая в сумку с ноутбуком девственно чистый блокнот, ручку и микродиск с видеозаписью.

– Не уверена, что чем-то помогла.

– Более чем. В моей работе важны любые детали, – произнес Уилл избитую фразу, отметив про себя, что в этом деле деталей как раз и не хватает.

– Рада была познакомиться, мистер Кимберлинг.

– Я тоже. И большое спасибо, что уделили время, миссис...

– О.

– Что «о»? – озадачено спросил Уильям.

– Это моя фамилия. Миссис О.

– Просто О?

– Да уж, проще некуда, – Марла развела руки в стороны. – Мой отец был родом из Ирландии.

– А, это все объясняет, – ответил Уильям, убедительно изобразив на лице понимание, хотя связать логически однобуквенную фамилию и происхождение ее отца у него так и не получилось. – Всего доброго, миссис О.

– До свидания, – на прощание Марла вновь одарила детектива доброй улыбкой.

Уилл ловко закинул сумку на плечо, поправил сбившуюся в сторону рубашку и направился к выходу. Больше делать здесь было нечего, все вопросы удостоились ответов, правда, не дали даже самого слабого намека на зацепку.

Вдохновляло и успокаивало то, что полученная здесь информация не была совсем безрезультатной, потому что позволила рассеять многие ложные подозрения. Путь к истине может быть долог, но он заметно упрощается, стоит только откинуть лишний мусор.

У самых дверей Уильям вновь услышал голос Марлы:

– Мистер Кимберлинг, – она выдержала короткую паузу, дожидаясь, когда Уилл обернется. – Я уверена, вы найдете Линду. Вы производите впечатление хорошего человека, сильного, добивающегося своей цели, и очень ответственного работника. Из тех вопросов, что вы задавали, от полицейских я не услышала и половины, – Марла снова выдержала

паузу, придавая вес своим словам. – Линда хорошая девушка. Найдите ее!

– Я знаю, миссис О. И всеми силами стараюсь это сделать.

ГЛАВА 5

После посещения одной из отметок, указанных на электронной карте навигатора, ненужная теперь точка удалась автоматически. Путь до ресторана на Сент Алерт занимал не более 10 минут пешей прогулки. Полицейский участок находился значительно дальше, но Уилл никак не мог определиться, какое место посетить в первую очередь. Его очень интересовал отчет по делу Линды, насколько далеко полиция продвинулась в своем расследовании. Но придти с пустыми руками было бы просто недопустимо, поэтому, в погоне за уликами, он решил начать с ресторана. Пересек двухполосную дорогу на светофоре, так кстати включившем зеленый свет для пешеходов, и взял курс в сторону улицы Сент Алерт. А на ходу набрал на мобильном телефон операторской полицейского участка.

– 108ой участок полицейского департамента. Меня зовут Бернадет. Чем я могу вам помочь? – моментально прозвучал милый женский голосок в трубке.

Уилл никак не мог привыкнуть, операторы в подобного рода организациях отвечают буквально после первого гудка, поэтому голос без всякого старания получился неуверенным:

– Здравствуйте, я бы хотел заказать двойной чизбургер, большую порцию картофеля фри и молочный коктейль.

Скажите, сколько будет стоить доставка? – в дополнении к неуверенности была добавлена басовитость, искажающая настоящий голос Уильяма.

– Мужчина, вы звоните в полицейский участок. Я могу выписать вам крупный штраф за телефонное хулиганство и неудовлетворительное поведение по отношению к представителю органов правопорядка.

– Встала не с той ноги, Берни? – Уилл заговорил уже своим голосом.

Бернадет понадобилось не более двух секунд, чтобы узнать Уильяма, и после этого она буквально взорвалась.

– Кимберлинг, чтоб тебя! – но ничего грубого в трубке так и не прозвучало, хотя даже безобидная, казалось бы, фраза звякнула так жестко, что на линии затрещали статические помехи, а телефон чуть не расплавился прямо в ладони. – Пользуешься положением, когда я не могу тебя как следует обматерить?

– Неужели такие леди как ты способны на это?

– Учти, я знаю твой адрес, так что лучше бы тебе вести себя более уважительно по отношению ко мне.

– Это так ты напрашиваешься в гости?

– Если сегодня в твоих планах было лечь спать с перебитыми коленями и перерезанным горлом, то могу и приехать.

– Слушай, Берни, а телефонные угрозы от представителя правопорядка тоже ведь облагаются солидным штрафом?

Замечание Уилла было шутливым, но не лишенным прав-

ды, а потому остановило этот пустой диалог, который ему уже порядком начал надоедать. Но, что поделаешь, Берни очень любила поболтать, и порой ее было непросто заткнуть. Как только ее взяли на должность оператора в департамент полиции? Но человеком она была очень хорошим, каких поискать. Правда, взрывалась по любому поводу, а иногда и без него.

– Ладно, ковбой, один-один, – успокоилась Бернадет, и Уильям облегченно выдохнул в сторону, чтобы этого не было слышно в трубке. – Так зачем звонишь?

– Меня интересует отчет по делу об исчезновении Линды Нортстром, – сразу же перешел к работе Уилл. – Пропала только вчера.

– Сейчас посмотрим, – было слышно, как ее пальчики с сумасшедшей скоростью отстукивают партию Сонаты для фортепиано №17 Людвига ван Бетховена, правда, совершенно без музыки. Ответ не заставил себя долго ждать. – Есть такое, совсем свежее. Заведено вчера вечером. С чего вдруг интерес?

– С того, что меня нанял ее отец.

– Значит, новое дело?

– Ты невероятно догадлива, – саркастическая фраза получилась немного резкой. – Скажи мне в двух словах, есть ли какие-то подвижки по этому делу? И кто ведет расследование?

– Зацепок нет. Как и просил, в двух словах. Что же каса-

ется имени детектива. Боюсь, эти два слова тебе не понравятся, – вздохнула Бернадет.

Уильяма больше всего интересовало имя детектива, взявшегося за расследование, ведь от этого зависело, на какую помощь от полиции можно рассчитывать. От этого тяжелого вздоха, раздавшегося в трубке, в его голове шевельнулись самые нежеланные подозрения, граничащие с боязнью услышать два решающих слова – имя и фамилию.

– Макс Хас?

– Именно, дорогой.

Уильям разочарованно поморщился от подтверждения своей догадки. Он был лично знаком практически со всеми детективами, находящимися на службе в обоих полицейских участках Миллениума, за исключением новичков. Среди них было много хороших людей, ответственных, отзывчивых. С многими из них Уилл не раз вел одно и то же дело, либо снабжая полицию недостающими сведениями по расследованию, либо наоборот получая, когда сам заходил в тупик. И такая взаимовыручка была даже приятна, потому что приносила хорошие плоды в раскрытии даже самых запутанных случаев. Но Макс... Хуже варианта не придумать. Удивительно, что при своем мерзком характере и наплевательском отношении к работе, в департаменте он был на хорошем счету и, по мнению руководства, демонстрировал блестящие успехи, а стиль его ведения дел якобы заслуживал подражания.

Таких, как Уильям, – частных детективов – Макс Хас презирал и не считал за людей. В его скудной философии человек должен служить на благо своего государства, а не собственного набитого брюха, и лишь тогда он удостоивается права называться человеком. В противном случае он всего лишь прожорливое насекомое. Отчасти, мысль хорошая, но вот в его, вероятно, поврежденной голове она обратилась в противоречивый бред. И при каждой встрече Макс старался облить Уильяма грязью, опускаясь иной раз до грубых оскорблений, которые, правда, в большей степени принижали его собственные и без того ничтожные достоинства. Такие конфликты, как правило, заканчивались ничем: даже до ругани не доходило. Хотя в большинстве случаев Макс буквально напрашивался на перелом какой-нибудь части тела. Уильям всякий раз с трудом сдерживал и кулаки, и язык, обладая возможностью больно ударить и тем, и другим. Но опасался, что просто не сможет вовремя остановиться, по крайней мере до того, как голова Макса превратится в такой же красный фарш, в какой превращается арбуз, сброшенный с четвертого этажа и встретившийся с асфальтом. Однажды Уилл уже допустил такую ошибку. Не смог вовремя остановиться. И после того раза, его жизнь круто повернулась в иную сторону. Такие ошибки нельзя допускать, потому что последствия будут преследовать всю оставшуюся жизнь.

Но не заносчивое поведение Макса и не его отвратительный характер беспокоили Уильяма. А то, что в 80% случаев

Макс Хас не раскрывал расследование, над которым якобы работал. Если он брался за дело – оно заведомо было обречено на провал. А в случае Линды Нортстром Уильям не мог допустить провала.

– Так и будешь молчать? Ты вообще здесь?

– Здесь, – ехать в участок резко расхотелось, тем более, что, если за штурвалом стоял капитан Хас, в сетях его рыбацкой лодки вместо рыбы можно найти разве что дырявый башмак, пустую консервную банку и сиденье от унитаза. Иначе говоря, ничего путного. – Я загляну через пару часов, сможешь подготовить для меня копию заключения?

– Уильям, ты же знаешь, что инструкции разрешают просмотр и копирование материалов только в присутствии ответственного лица, коим в данном случае является Макс Хас. А передача копии без его подписи вообще невозможна. Ты понимаешь, о чем вообще просишь меня?

– Понимаю, Берни, поэтому и прошу. Ты же всегда находишь варианты, – Уилл бы никогда не стал упоминать об этом при разговоре по общему телефону, но проблема в том, что свой мобильник девушка, как правило, оставляла на момент смены черте где и совершенно забывала о его наличии. Можно было потратить весь день на бесперебойные звонки, но так и не получить ответа.

– Нет, Уильям, не в этот раз, – в ее голосе прибавилось тревоги. Уильям знал, что своей просьбой толкает ее на нарушение уставных правил, поэтому и не стал особо настаивать.

вать.

– Ладно, извини. Тогда позвоню, как соберусь заехать, если, конечно, не передумаю и не найду занятие поинтереснее, – телефон в руке издал короткий вибрирующий звук, что означало окончание маршрута, и действительно чуть дальше по улице виднелся ресторан, в котором работала Линда. Уилл совершенно не заметил, как прошел все расстояние от дома девушки до Сент Алерт.

– Так мне приехать к тебе вечером? – игривых ноток в голосе Бернадет теперь было хоть отбавляй.

– Как хочешь, – скомкано ответил Уильям. – Но, если соберешься, не забудь двойной чизбургер, большой картофель фри и молочный коктейль.

– КИМБЕРЛИНГ!..

Но атомный взрыв ее эмоций был вовремя прерван, потому что Уилл отключил вызов.

[звучит песня [битая ссылка] The Moody Blues – Nights In White Satin]

Улица Сент Алерт была плотно застроена чередующимися в шахматном порядке малоэтажными зданиями и небоскребами, отчего ощущение уюта воспринималось сильнее. Стекланные башни здесь казались одинокими соснами в бору, растущими из идеально ровного бархата густого мха. Вроде стоят врозь, но вместе образуют плотный лес, в который солнце заглядывает с трудом.

Вместо привычного асфальтового покрытия вся улица была выложена темно-серой гранитной брусчаткой, что затрудняло движение на машине, поэтому проезд здесь был воспрещен. Сент Алерт была прогулочной улицей. По обеим сторонам тянулись несметные количества магазинов с яркими привлекающими внимание вывесками, разнообразных развлекательных заведений, клубов, баров и ресторанов. Уильям бывал здесь много раз, проводя вечера, а порой и ночи, предаваясь всем мирским утехам, что предлагали в этом уголке города с наступлением темноты.

Искомый ресторан находился в начале улицы, в самом широком ее месте. На лето солидный участок напротив застилался деревянным полом, устанавливались навесы от дождя, столы и удобные стулья, и получившаяся веранда сразу же привлекала внимание всех проходивших мимо зевак. Обедать на открытом воздухе куда приятнее, чем в закрытом помещении, а такую возможность давал только этот ресторан. Страшно подумать, насколько возрастала ежедневная прибыль при таком сумасшедшем наплыве посетителей.

Больше всего удивляло название ресторана. Его владелец не стал выдумывать что-то невообразимое, а просто использовал название улицы, на которой он располагался. Ресторан «Сент Алерт». Слишком просто для такого массивного и размахистого заведения, меню которого предлагает широкий выбор из блюд итальянской, русской, грузинской, индийской, китайской и японской кухни. Однако незамысло-

ватое название не мешало ему пользоваться широкой популярностью, а в летний период создавать жесткую конкуренцию другим, среди которых, по мнению Уильяма, были достойные представители. Даже восточный ресторан, награжденный четырьмя звездами и предлагающий самые изысканные блюда от профессиональных поваров, оставался в стороне из-за отсутствия открытой веранды, хотя еда там наивысшего класса, а от невероятной игры вкуса можно сойти с ума.

Но несмотря на то, что «Сент Алерт» был так популярен, Уильям собирался посетить его впервые и не столько ради собственной прихоти, сколько по работе, хотя за несколько часов, прошедших после завтрака, он успел проголодаться и рассчитывал здесь еще и перекусить. Однако вопреки предпочтениям большинства не стал выбирать место на уличной веранде и уверенно толкнул толстую стеклянную дверь ресторана.

Изнутри помещение казалось значительно больше, чем снаружи. Такой эффект, скорее всего, достигался обилием зеркал. В отличие от «Синего гиацинта» здесь акцент делался на широту и простор. Большие, массивные столы и вместительные кресла, высокие растения в здоровенных глиняных горшках в половину человеческого роста. Толстые, основательные колонны из камня, подпирающие потолок, были настолько мощными, что казались теми самыми атлантами, что держат на своих плечах небесный свод. При своем

высоком росте даже Уильяму на секунду представилось, будто он очутился в доме великана.

– Здравствуйте! – в нескольких метрах от детектива появилась милая официантка в бежевой форме, чем-то напоминающей кимоно, с тугим и стильным черным фартуком. – Столик на одного, или вы ожидаете кого-то еще?

– Добрый день! Нет, я буду один. И мне будет нужен самый уединенный столик, я бы хотел немного поработать. Это возможно?

– Конечно. Идите за мной!

Девушка отвела Уилла в небольшой закуток в дальнем конце зала, где стояло несколько двухместных столиков, все свободные. Надо сказать, внутри ресторана вообще не было ни единого посетителя в отличие от внешней веранды, где, как говорится, яблоку было негде упасть. Время подходило к обеду, поэтому толпы бизнесменов – мужчины и женщины – ломанулись сюда на короткий отдых и перекус.

– Выбирайте любой, какой вам больше нравится, – вежливо улыбнулась официантка, указав на свободные места.

– Большое спасибо, – ответил Уильям и скинул сумку с ноутбуком в ближайшее кресло. – Посоветуете что-нибудь из меню? Я здесь впервые.

– Если вы не против морепродуктов, то я бы рекомендовала дальневосточные креветки, запеченный в медовом соусе с сыром и пряностями. Сегодня блюдо от шефа, – девушка подмигнула и развела руки в торжественном жесте.

– Звучит уже аппетитно. Уговорили. Будьте добры еще зеленый чай с жасмином. Чуть позже еще дополню заказ, хочу ознакомиться с меню, – сказал Уильям, мягко присаживаясь в свободное кресло и открывая толстую кожаную книжечку с предлагаемыми блюдами.

– Там очень большая порция, – предупредила девушка.

– Аппетит у меня тоже немаленький. Или вы пытаетесь отговорить меня попробовать что-то еще?

– Нет, конечно, нет, – улыбнулась девушка и отправилась на кухню.

Уильям заметил на столе пепельницу и был приятно удивлен, что в этом ресторане можно курить. Закон о запрете курения в помещениях приняли уже очень-очень давно, чем была вызвана волна недовольствия со стороны курильщиков. Но, к их счастью, некоторые заведения все же нашли лазейки в законе или какие-то иные обходные пути, но сохранили прежний порядок на своей территории. Возможно, имела место какая-то общая договоренность, потому что в таких местах, где в помещении можно было курить, устанавливалась мощная вытяжная система, которая в считанные секунды очищала воздух от дыма и даже самого слабого запаха сгоревшего табака. Увы, таких заведений было крайне мало, к числу которых примыкал и излюбленный Уиллом «Синий гиацинт».

С непринужденным видом любознательного посетителя, незнающего, чем себя занять в ожидании заказа, он огляды-

вался по сторонам, внимательно изучая обстановку и пуская в разные стороны дымные колечки. Удивительно, но сигареты обостряли наблюдательность в несколько раз, хотя, скорее всего, эффект был больше психологическим. Однако Уильям всего за несколько минут, пока не истлел весь табак, успел сделать для себя много важных пометок.

На огромной территории ресторана и веранды работали всего четыре официанта: две девушки и два юноши. Плюс бармен за стойкой. Всем на вид не больше 25 лет. Дверь на кухню открывалась на такой короткий миг, за который невозможно было что-либо разглядеть, но, очевидно, особой надобности в этом и не было, вряд ли там удастся найти полезную информацию. Осталось выбрать из пяти незнакомых людей того, кто будет самым разговорчивым. И того, кто даст плодотворные сведения касательно Линды Нортстром.

В голове Уильяма мысли завертелись с сумасшедшей скоростью.

1. Бармен. Временный псевдоним... Очевидно, Бармен. Высокий, худощавый, но с широкими плечами и заметными бицепсами. Красивые руки, с выступающими венами, демонстрирующими силу, которые так привлекают женские взгляды. Короткая стрижка. Редкая трехдневная щетина на подбородке и под носом. Небольшие «тоннели» в мочках ушей, ограниченные серебристыми металлическими кольцами. И большущая цветная татуировка во все левое предплечье с изображением толпы какой-то жуткой нечисти, со-

вокупающейся друг с другом в жарком адском пламени. За все время пребывания Уильяма здесь, парень с важным видом вертел в руках бутылки с напитками, театрально подбрасывал их в воздух и так же театрально ловил. Демонстративно работал с шейкером, слегка пританцовывая, двигаясь всем телом. И бросал жадные плотоядные взгляды в сторону официанток, стоило тем повернуться к нему спиной. Вероятность владения полезной информацией – 1%. Скорее всего, его описание Линды ограничится фразами «клевая задница» и «клевые сиськи».

2. Девушка с рыжими волосами. Временный псевдоним – Рыжая. Симпатичная. Чаше всех принимает и разносит заказы. Скорее всего, трудоголик. Либо старается отличиться ради денежной надбавки или премии. На безымянном пальце правой руки сверкает простенькое золотое кольцо. Замужем. Вероятность дружеских отношений с Линдой: выше 50%.

3. Еще более худой парень с длинными светлыми волосами, забранными в хвост, и в тонких очках. Временный псевдоним... Дриц? Шланг? Очкарик?.. Пусть будет Хвост. Самый обычный парень, каких миллионы. Что еще про него сказать? Могли ли они подружиться с Линдой? Конечно, могли.

4. Другой официант. Пусть будет Орех, потому что парень явно посещает спортзал.

5. Девушка, что принесла заказ. Пусть будет Зефир. Потому что бежевая форма по виду ассоциировалась с каким-то

сладким пирожным.

То ли положительное действие сигареты закончилось, то ли причина была в чем-то еще, но все четыре последние личности попадали в разряд потенциальных друзей Линды. Смело можно было отметить только Бармена, потому что с таким чучелом она бы даже здоровалась только из вежливости, но без всякого желания. Что же касается остальных, выделить среди них кого-то особенного не представлялось возможным. Рыжая, правда, вселяла больше уверенности. В целом же, либо пришлось опрашивать каждого из четырех официантов, либо полгаться на случайный выбор, слепо доверившись интуиции.

«Эники, беники, ели вареники.

Эники, беники, брех.

Кто же сметелил все наши вареники:

Рыжая, Хвост, Зефир и Орех?» —

родился в голове Уильяма экспромт немного отредактированной детской считалочки, в которой идеально расположились все выдуманные прозвища, в надежде, что такой шуточный подход хоть как-то поможет сделать правильный выбор. Но, увы.

Запеченные креветки, большое блюдо с которыми спустя некоторое время принесла девушка-Зефир, действительно оказались невероятно вкусными, в меру остренькими, достаточно пряными, по-райски нежными и чертовски сытными. Расправившись с половиной по истине огромной пор-

ции, Уильям уже почувствовал насыщение и немного сбавил темп, растягивая удовольствие. Еда всегда отвлекала его от мыслей о работе. Это скорее происходило автоматически: организм временами сам решал, когда отдыхать, а когда работать. Но эти превосходные креветки напрочь отключили мозг.

Когда же, наконец, бездонное блюдо опустело, Уильям расслабленно откинулся на спинку кресла, мысленно благодаря шеф-повара за чудесный обед, с легкостью утоливший его ненасытный, как ему казалось раньше, аппетит. Желание дополнительно заказать что-то еще улетучилось, поэтому смотреть на меню, мирно лежащее на углу стола, становилось даже немного неприятно. Чтобы не терять время даром, Уилл решил отложить беседу с работниками ресторана и ознакомиться с записями с камер видеонаблюдения, что достались от Марлы. Он установил ноутбук на столе, отодвинув пустое блюдо в сторону, и вставил микродиск в соответствующее гнездо на боковой панели компьютера. Приятный аромат жасмина ударил в нос. Уилл, увлеченный блюдом от шефа, совершенно забыл о чае. Он наполнил небольшую фарфоровую чашечку горячим напитком из миниатюрного, но при этом очень тяжелого чайничка из тусклого металла причудливой приплюснутой формы. Первый небольшой глоток, не обжигающий, а приятно согревающий, был самым насыщенным вкусом отборных листьев цейлонского чая и лепестков жасмина. В ту же секунду Зефир подошла

к столику, забрать пустую тарелку, и Уильям с восторгом поблагодарил ее за обед, отказавшись от добавки и тем самым вызвав милую улыбку на женском лице, ведь она оказалась права.

Запись на диске длилась ровно 24 часа, охватывая полностью вчерашние сутки от полуночи до полуночи. Разумеется, просматривать видео целиком Уильям не собирался, оставив эту заботу программе, но ей требовалось какое-то время. Запись с камер велась безостановочно; это было неэкономично в том смысле, что часто приходилось заменять жесткий диск, потому что памяти хватало ненадолго, но более надежно в сравнении с системами, снабженными датчиком движения. Там съемка начиналась по сигналу, когда в объектив попадал движущийся предмет. В итоге фиксировались только выборочные моменты с минимальной продолжительностью, что экономило еще и время ознакомления с материалом. Но такой датчик может легко выйти из строя и пропустить важную секунду, а то и вовсе ослепить в буквальном смысле скрытого наблюдателя.

Бездатчиковая система оказалась более надежной. Получались терабайты лишней информации, из которой требовалось вычленить самое необходимое, но зато существенно снижался риск упустить что-либо. Программы фильтрации видео справлялись с этой задачей на 110%, потому что обрабатывали каждый отдельный кадр, на что не был способен человеческий глаз. Спасибо техническому прогрессу. Таких

программ было великое множество, но Уильям пользовался достаточно старенькой версией, которую частично доработал и усовершенствовал сам. Она прогоняла видеофайл на многократно увеличенной скорости через систему трех светофильтров, выделяя короткие отрезки, где в области обзора камеры появлялся движущийся объект. Такой способ обработки позволял даже обнаружить вмешательство в систему наблюдения, если таковое имеет место быть. Три светофильтра позволяли увидеть все.

На экране появилось окно, разделенное на 16 квадратов с застывшими изображениями. 12 камер снимали лестничные пролеты на каждом этаже. Еще одна была установлена в кабине лифта. Одна снаружи, над входом, та самая, которую заметил Уильям. И еще две с обзором в 270 градусов располагались по углам с задней стороны здания. Таким образом три внешние камеры охватывали весь наружный участок целиком.

16 камер. 3 фильтра. 24 часа видео. Да, это будет небыстро.

После запуска программа показала, что до конца операции осталось ориентировочно 2,5 часа; по факту может оказаться меньше или наоборот больше. Чтобы занять освободившееся время, Уилл вновь решил сосредоточиться на выборе наиболее подходящего из персонала официанта, беседа с которым будет продуктивной. Повторный осмотр каждого не дал ничего нового. Не так-то и просто оказалось опреде-

лить, кто съел все вареники.

С психологической точки зрения все четверо были настолько похожи, что их можно было сравнить с одним крупным организмом, который когда-то давно разделили на равные части. В конце концов выбор Уильяма пал на Рыжую, потому что ее замужество и трудоголизм открыто подтверждали серьезное и осознанное чувство ответственности ко всему, что отличало и саму Линду. Возможно, именно это являлось точкой соприкосновения двух девушек, ставшей основой для близких дружеских отношений.

Пришлось дожидаться подходящего момента, когда Рыжая останется в зале одна. Уильям не хотел привлекать лишнего внимания, поэтому и ждал, пока ненужные глаза исчезнут, что требовало времени, но его, благо, было навалом. Когда выдался подходящий миг, он подозвал девушку, и та сразу же подошла к столику.

– Выбрали что-нибудь? – она очень мило улыбалась, но было видно, что улыбка эта лишена всякой естественности, а глаза при этом оставались прохладными, и в них отчетливо проступала усталость. Улыбаться – было ее важной обязанностью.

– Не совсем. Я бы хотел поговорить с вами на одну деликатную тему. Вы знаете девушку по имени Линда Нортстром?

– Да, конечно, она здесь работает, – сходу выпалила Рыжая, но резко осеклась. – А с какой целью вы интересуетесь,

мистер...

– Уильям, – тут же прозвучал ответ. – Я частный детектив и разыскиваю эту девушку, – он протянул официантке пластиковую карточку, которую та приняла в руки, словно это была драгоценная реликвия.

– Никогда прежде не встречала частного детектива, – Рыжая внимательно разглядывала карточку, как опытный нумизмат изучает монету для установления подлинности. Скорее всего, насмотрелась английских и американских фильмов и думает, что жизнь детектива настолько же интересно, как это показано в кино. – А что-то случилось?

Стоп!

Уильям не был готов к тому, что на работе не знают об исчезновении Линды, но раскрывать карты не собирался. Судя по всему, полиция не удосужилась посетить этот ресторан. Узнается профессиональный почерк Макса. Но почему все-таки здесь ничего не знают, если Линда не вышла на работу?

– Нет, нет, все в порядке, просто нужно задать ей пару вопросов, – непринужденно ответил Уильям.

– Вы говорите прям как детектив из сериала, – от восторга у Рыжей по-детски загорелись глаза. – Вы расследуете убийство?

– Нет, что вы! Все не настолько серьезно, – Уильям уже начинал сомневаться в своем выборе, видя, с какой надеждой в голосе девушка спрашивала, убийство ли это. Для нее вся эта ситуация казалась увлекательной и интересной, слов-

но долгожданная серия по ТВ.

– Задавайте любой вопрос, я буду рада помочь, – она плюхнулась в кресло напротив и положила руки на стол, как примерная ученица младших классов.

– Хорошо. Ваш положительный настрой мне нравится, – Уильям на всякий случай достал блокнот, но совершенно не надеялся услышать что-либо полезное, что потребовало бы записи. – Вы сказали, Линда работает здесь, но я ее что-то не видел.

– У нее сегодня выходной. Вы можете зайти завтра, смена начинается в 10 утра.

– Подскажите, а сегодня где я могу ее найти?

– Сегодня вряд ли получится, они с Марком должны были уехать в загородную поездку на машине.

– С Марком? – Уилл заметно удивился.

– Да, он тоже работает здесь официантом. У них с Линдой выходные дня совпадают.

– Они хорошие друзья?

– О да. Марк очень славный. Устроился сюда в начале лета, чуть не в один день с Линдой, и они сразу же сошлись, – Рыжая расплылась в мечтательной улыбке. – Я надеюсь, они станут встречаться.

– Все настолько серьезно? – уточнил Уильям, записав новое имя в блокнот.

– Линда не любит особо распространяться на этот счет, но однажды, когда я была у нее в гостях, она сказала, что

Марк ей нравится. А раз в неделю они вместе проводят выходной, обязательно куда-то ездят вдвоем.

На этот раз Уильям сделал много пометок, исписав треть страницы понятными только ему сокращениями. Вне всяких ожиданий Рыжая оказалась ценным источником информации.

– Уточните еще, пожалуйста, фамилию Марка.

– Косби. Марк Косби, – сразу же ответила девушка. – Он действительно хороший парень, порядочный. На два года старше Линды. Из них получится чудесная пара.

В блокноте напротив имени нового действующего лица, вызывающего крайнее любопытство, теперь появилась и фамилия. Данных для нахождения этого человека было более чем достаточно.

– Что ж, наверное, не стоит отвлекать молодых людей от загородного путешествия, – Уильям закрыл блокнот, показывая тем самым, что разговор окончен. – Вы говорите, Линда и Марк завтра выйдут в смену?

– Да, завтра вы сможете застать их здесь. Приходите в любое время, но лучше пораньше, когда меньше народу.

– Даже если мне придется ждать, я ничуть не расстроюсь – у вас подают чудесные креветки.

– О да, они божественны! – заметила Рыжая.

– Спасибо за информацию, вы очень помогли, – поблагодарил Уилл, учтиво улыбнувшись.

– Вам спасибо. Всегда мечтала поучаствовать в настоя-

щем расследовании, это так интересно, – она сейчас больше напоминала девочку лет пяти, по-детски наивную и беззаботную, нежели взрослую замужнюю женщину. – Я словно побывала в кино.

– Боюсь, на самом деле все не так красиво и прекрасно, как показано на телеэкране.

– Тогда не разрушайте мое красочное представление об этом, детектив, – Рыжая весело подмигнула, а ее голос прозвучал звонче туго натянутой скрипичной струны. – Обновить вам чай? – секунду помолчала и добавила, – за счет заведения.

– Неужели в этом ресторане детективам предоставляются скидки? – усмехнулся Уильям.

– Считайте, что да.

– Ну, тогда уговорили.

– Чудно, – она прихватила опустевший чайник, который все еще сохранял тепло, и упорхнула на кухню, а Уильям определил для себя второе место после «Синего гиацинта», где ему не жалко оставить хорошие чаевые.

Мысли вернулись к блокноту, в котором сейчас оказались запечатлены крупными буквами самой важной и ценной информации по делу Линды Нортстром. Вот тебе и затворница. И отец, как выясняется, тоже многого не знает, иначе, с чего бы ему умалчивать о парне своей дочери?

За следующие пять минут, пользуясь базой данных, Уильям смог узнать практически все про Марка Косби. 25 лет.

С 5 лет воспитывался только матерью. Отец пропал без вести в 2012ом году. Закончив школу, Марк поступил в архитектурный. Два года назад закончил вуз и сразу же устроился в строительную фирму. Проработав там год и поднакопив средств, открыл свое собственное дело, немного сменив профиль, – ландшафтный дизайн. Судя по всему, дела идут неплохо, потому что четыре месяца назад Марк купил квартиру в новостройках восточной части Миллениума. Раз в две-три недели пересылает деньги на счет матери, с которой практически не общается. [Причина не уточняется].

Действительно славный парень, иначе вряд ли бы он привлек внимание Линды. Причина явно не в толстом кошельке. Единственной загадкой для Уильяма осталось, зачем было устраиваться на работу официантом на летний период, когда начинался сезон строительства, если он и так был владельцем очень прибыльного и развитого бизнеса. Не похоже на смену труда ради удовольствия. В любом случае стоит навестить этого юношу, раз уж их совместная поездка сорвалась. Уж он то должен знать, что Линда пропала. Или причастен к ее исчезновению, скользнула в голове Уилла не самая приятная мысль. Но делать строгие выводы пока что было рано.

Программа обработки видео работала около 40 минут, выделив несколько моментов, когда перед камерой появлялся человек. До конца операции оставался 1 час и 34 минуты. В эту самую секунду цифра 4 сменилась двойкой, пропу-

стив промежуточное значение. Уильям подумал было заказать еще одно блюдо от шефа, чтобы как-то занять свободное время, но, к своему удивлению, совершенно не чувствовал даже самого легкого голода, поэтому от этой идеи пришлось отказаться.

Рыжая, вероятно, вконец заработавшись, совершенно забыла про «акционный чай для детективов», но стоило только Уильяму об этом подумать, как девушка тут же появилась с новым чайником в руках, совершенно другим и более причудливой формы. На лице официантки по-прежнему искрилась все та же лучезарная улыбка, а, приблизившись к столику Уильяма, Рыжая снова подмигнула детективу. Было похоже, что она считала себя полноценным действующим лицом в неизвестном расследовании и принимала любую просьбу Уилла (как, например, принести чай) за служебный приказ. В этом подмигивании, совершенно лишенном намека на флирт, четко просматривалась мысль, чуть ни слетающая с языка: «Задание выполнено, напарник. Приступаю ко второй стадии операции «Лунный свет».

Как же телевидение порой промывает мозги.

Слава Богу, она сразу ушла, оставив Уилла наедине с самим собой. Аромат жасмина на этот раз ощущался сильнее, воздух буквально целиком наполнился этим концентратом, но его избыток не был раздражающим. Вкус самого чая тоже претерпел некоторые изменения, не поддающиеся описанию, словно теперь это был абсолютно другой сорт. Но напи-

ток не стал хуже или лучше. Он был другим, по-своему приятным и чертовски вкусным. Растягивая, каждое действие, чтобы тем самым занять как можно больше свободных минут, Уильям не спеша внес в навигатор адрес квартиры Марка, которую планировал посетить сразу по завершению обработки видео. Возможно, это занятие было бесполезным, раз уж ни Марла, ни полиция ничего не нашли на записи, но Уилл хотел убедиться в этом лично. Тем более, что он так и не смог понять, каким образом Линде удалось покинуть дом, не попав в обзор камер. Не могла же она просто испариться.

В своей работе Уильям старался вести расследование быстро, не тратя время попусту, но при этом был готов потерять и сутки, и неделю, и месяц, если возникала хотя бы призрачная надежда на успех. А на улики, совершенно не связанные с расследованием на первый взгляд, но раскрывающие в дальнейшем дело, у детектива было удивительное чутье, подводящее лишь в самых редких случаях. Чаще всего именно мельчайшие детали, микроскопические частицы информации и ничтожные шансы приводили к успеху, нежели конкретные неопровержимые доказательства, которые порой все же опровергаются как раз вышеупомянутыми мелочами.

В досье был указан мобильный телефон Марка Косби. Уильям, недолго думая, набрал его номер, так до конца и не определившись, стоит ли называть свою должность

и причину звонка или разыграть спектакль. Но после 10—12 гудков вызов прервался, а на него так никто и не ответил. Точно так же, как на второй и на третий.

Есть миллиарды причин и ситуаций, по которым человек не отвечает на телефонный звонок, от самых банальных до абсолютно невероятных. Принимает душ. Забыл телефон дома. Просто не слышит. Специально игнорирует. Разбил экран и не может снять блокировку. Насмотрелся ужасов и приобрел синдром телефонофобии. Был похищен пришельцами и лишен большей части мозга в процессе изучения строения нашего тела, в результате чего потерял способность говорить, в том числе и по телефону. Но сейчас почему-то у Уильяма были не самые добрые предчувствия. Дело стало стремительно обрывать новыми интересными составляющими, совершенно неожиданными. И несмотря на прекрасную биографию, Уиллу этот самый Марк Косби совсем не нравился.

Не успел детектив убрать телефон, как тот зазвонил сам, но вместо цифр на экране появилась строка «номер не определен». Только один человек пользовался таким приемом, который за столь частое использование не скрывал его, а наоборот выставлял напоказ, но старик Хит наивно верил, что остается невидимкой для всех. И верил уже несколько лет. Уильям не очень хотел с ним разговаривать, поэтому ответил на звонок без всякого энтузиазма:

– Как дела, Хит?

– Какого черта, Кимберлинг? – заорал тот в трубку, но Уильям был полностью к этому готов и сохранял равнодушные, игнорируя угрозу разрыва барабанных перепонок. Да-да, двух сразу, потому что гром старческой тирады был способен пробить голову насквозь. – Я даю тебе работу, спрашиваю, как маленькое дите, начать расследование, жду четыре с лишним часа, а ты как ни в чем не бывало отвечаешь на звонок и спрашиваешь, как у меня дела?

– Ну, да, мне действительно важно знать, все ли у тебя в порядке. Ведь ты уже не молод, а постоянно кричишь. Так и до инсульта недалеко.

– Так вот и не доводи меня до белого каления, раз так печешься о моем здоровье. Где тебя носит?

– Я обедаю на Сент Алерт, это в центре. Советую посетить местный ресторан, здесь первоклассно готовят креветки с сыром. Ты любишь креветки?

– Ты издеваешься, Кимберлинг? – злости в его голосе прибавилось на пару килограмм, если она, конечно, измеряется в килограммах, но именно настолько сейчас потяжелел мобильный телефон в руке Уилла. А сам детектив был непоколебим.

– Почему же издеваюсь? Вовсе нет. Это белковая пища, которая очень полезна, а тебе в особенности. Какие уж тут издевательства?

– То есть ты откровенно послал меня к черту ради каких-то гребанных креветок? – вулкан по имени Хит, уже был

готов изрыгнуть из своего жерла лавовое проклятие самым что ни на есть прямым текстом.

– Конечно же, нет. Я бы никогда в жизни не позволил себе послать тебя к черту. Но если все-таки этот день настанет, я сообщу тебе об этом лично. И выберу более пикантное местечко для твоей отправки. А сейчас я расследую одно дело, поэтому и оказался здесь, а заодно решил перекусить.

– Дело? – недоуменно переспросил Хит.

– Ну, да, дело. Я же все-таки детектив, это моя работа.

– Подожди, что еще за дело? Целую неделю ты напивался в хлам и прожигал дни впустую, а сегодня, когда я предлагаю тебе взяться за расследование, у тебя, оказывается, уже есть дело? Это что, такая шутка?

– Какие уж тут шутки, Хит? По-твоему, я не могу внезапно получить работу?

– Последнее время только я и подыскиваю тебе эту самую работу, от которой ты еще смеешь воротить нос.

– Значит, сегодня исключительный день. Меня нанял один клиент.

– И как же он тебя нашел?

– Сказал, что получил визитку от одной хорошей знакомой, которой я когда-то помог. Оказывается, у меня хорошие рекомендации. Думаю, стоит напечатать еще визиток, а то последние кончились два года назад.

– Так что за дело? – Хит уже говорил тихо и спокойно, словно принял с дюжину пилюль какого-нибудь седативного

препарата. Или сделал себе клизму с валокордином.

– Исчезновение человека.

– Больше похоже на название твоего коронного фокуса.

С каких пор ты стал браться за такие дела?

– С тех самых, когда получил лицензию, – Уильям порядком устал язвить, но иначе общаться с Хитом он просто не мог. В его мозгу словно был установлен какой-то барьер – программа, срабатывающая всякий раз автоматически.

– Ну, и что мне теперь сказать заказчику? Я пообещал, что ты займешься этим расследованием.

– Извини, старик, но Боливар не выдержит двоих. У меня принцип, не вести два дела одновременно.

– Я понимаю, Уилл, но взгляни хотя бы одним глазком. Я такого прежде не встречал за все время работы в полиции. Давай, перешлю тебе данные на электронную почту?

– Хит, я же сказал, никаких...

– Я слышал, Уилл. Но прошу тебя, просто прочитай заключение. А там уж сам решай, браться или нет. Просто ознакомься, не списывай сразу со счетов. Еще раз тебе говорю: даже я с таким не сталкивался.

Наступила долгая тишина. Ранее твердое намерение отказаться от дела сейчас постепенно стало сменяться любопытством. Что же такое страшное там стряслось, если даже этот старый пень так сильно удивляется? Чего-чего, а удивленно-го Хита Хитченсона Уильям видел очень редко.

– Только одним глазком, – нехотя ответил Уилл. – И толь-

ко потому, что ты попросил. Если дело окажется ерундовым – не обижайся, но я откажусь.

– Только прочитай и сразу забудешь про свой скептицизм, – его теперь совсем спокойный голос напускал таинственности.

– Говоришь так, будто пытаешься всучить мне какую-то вещь по выгодной цене. А ведь дело связано с убийством. Совесть не мучает?

– Я лишь хочу, чтобы ты раскрыл это дело.

– А почему полиция решила привлечь к работе какого-то частного?

– Потому что полиция зашла в тупик...

– И почему я не удивлен?

– ...а если что и сможет помочь...

– Как будто могло быть иначе.

– ...то только свежий профессиональный взгляд со стороны, – наконец, закончил Хит свою реплику, останавливаясь при каждом замечании Уильяма.

– Ладно, старик, считай, тебе удалось меня уболтать. Хотя я никогда и не считал себя профессионалом.

– Я уверен, ты точно докопаешься до истины, – в заключении сказал Хит. – Пришлю письмо через минуту. И жду от тебя вестей.

– Конец связи.

Убирая телефон в карман, Уильям немного жалел, что ответил на звонок. Только в первом деле стало что-то накле-

ывається, на голову свалилось второе, успевшее за какие-то минуты заинтриговать до предела. Черт бы побрал этого Хита Хитченсона, за его язык, способный убедить кого угодно в чем угодно. Даже уговорить цыгана купить коня, которого он и без того уже украл, потому что так якобы дешевле. Но, сказать по правде, удивление старика действительно насто-рожило Уильяма. Что же странного было в том убийстве?

Не прошло и минуты – не прошло и десяти секунд – как сбоку экрана на ноутбуке появилось уведомление о пополнении входящих сообщений в электронном почтовом ящике. Как будто старик Хитченсон все время разговора сидел с занесенным пальцем над клавишей компьютерной мыши, курсор которой был заранее нацелен на ярлычок «отправить», и томительно ждал, когда Уильям даст согласие. Открывать письмо сразу ему не хотелось, несмотря на то, что программа распознавания видео еще не завершила свою операцию, и делать в принципе было нечего. Уильям не терпел заниматься двумя делами сразу, потому что даже при его хорошо развитой фотографической памяти некоторые детали из одного расследования порой перебирались в другое, наводя сумасшедший беспорядок и путаницу. Поэтому он отложил ознакомление на потом, до наиболее подходящего момента. Не зная, чем себя занять, он просто уставился в экран, замороженно глядя, как таймер программы отсчитывает оставшееся время.

Секунды, всегда так стремительно бегущие вперед, замет-

но сбавили свой ход, стоило обратить внимание на их течение. Минуты же казались вечностью, и, судя по показанию таймера, таких вечностей оставалось около сорока. Марк по-прежнему не отвечал на звонки, а оставлять голосовое сообщение на автоответчике Уильям не решился. Внутренний зал ресторана стал неспешно заполняться посетителями, но широкое пространство просторного помещения очень хорошо дробило, приглушало и разносило повсюду любые звуки, поэтому гул их голосов был очень тихим и практически незаметным.

Уильям заказал крепкий кофе, но погруженный в глубокие мысли о работе долгое время не мог сделать ни глотка. Что-то смущало его в этом деле с исчезновением, но он никак не мог найти, что именно. Линда в буквальном смысле испаряется из квартиры. Ее отец оказывается не в курсе, что дочь уже два месяца состоит в отношениях с молодым человеком. Что еще Линда могла скрывать от него? А сам молодой человек игнорирует телефонные звонки в тот самый день, когда пропала его девушка. Смущающих фактов более чем достаточно, но всем им может быть разумное объяснение. К сожалению, по роду своей деятельности, почему-то в первую очередь Уильям рассматривал самые неутешительные из предполагаемых вариантов развития событий. Но в этот раз чуть только задумавшись о возможности убийства, он погнал эти мысли прочь из головы воображаемой метлой. Уильям ни в коем случае не мог допустить смерти

Линды. Удивительное чувство родственности, ответственности за совершенно незнакомого человека, которого он даже никогда не видел, родилось в нем без всяких объяснимых причин.

Последние 40 минут обработки видео пролетели, на удивление, очень быстро и незаметно. Кофе совсем остыл, потеряв свои лучшие вкусовые качества, и Уильям, так и не приоткнувшись к напитку, отодвинул чашку в сторону.

В результате работы программы получилось три непродолжительных видеофайла, каждый для отдельного светофильтра. Были удалены все участки эфирной пустоты, когда перед объективом камеры абсолютно ничего не происходит.

Уильям открыл первый файл, и на экране вновь возникло окошко с 16 квадратами, но на этот раз изображение было в десятки раз четче и ярче. В 8:58 утра камера лифта, имеющая порядковый номер 13, зафиксировала первое движение. Это была Марла. Светофильтр сделал изображение настолько четким, убрав зернистость и усилив контрастность цветов, что с легкостью можно было прочесть имя на нагрудном бейдже. Консьерж провела в лифтовой кабинке 41 секунду, после чего исчезла с экрана, чем и завершился этот отрезок записи. На местах стыков видеофрагментов воспроизведение останавливалось. Отсюда казалось, что кабинка не движется вовсе, и складывалось впечатление, что Марла просто так зашла в лифт постоять, подумать о своем и, надумавшись вдоволь, вышла вон.

В половине десятого в обзор той же камеры попала Линда Нортстром. Она пробыла в лифте 12 секунд, за которые спустилась с третьего этажа на первый.

Затем камера №14, что располагалась снаружи над входом, несколько секунд смотрела вслед удаляющейся девушке.

Ровно в час дня Марла снова провела в лифте 44 секунды, а в 13:10 это действие повторилось, и снова заняло 41 секунду. Во второй раз в руках у старушки был пухлый бумажный пакет. Очевидно, она поднималась к себе домой, чтобы взять легкий обед и перекусить на рабочем месте. Жаль камера не фиксировала, на каком этаже находился лифт.

В начале третьего 14ая камера засняла нового гостя. Это оказался почтальон: пожилой мужчина с длинной и густой бородой, даже не седой, а кипельно-белой, как у Деда Мороза. Он позвонил в дверь, дождался, когда Марла выйдет, передал ей стопку писем, перекинулся со старушкой парой слов и ушел по своим делам. В наше время еще кто-то пользуется старой доброй почтой, хотя с годами она почему-то работает все медленнее и медленнее, словно прогресс обошел стороной эту сферу деятельности.

В семь вечера путешествие Марлы до квартиры и обратно повторилось. Время ужина, догадался Уильям.

В 20:59, как и сказала консьерж, Линда вернулась домой. Сначала попала в обзор наружной камеры, а затем через несколько минут последовательно появлялась в окошках

№1, №2 и №3 с камер, установленных на лестницах, пока поднималась к себе. Объективы были направлены так, чтобы в область видимости попадал и верхний, и нижний пролет лестницы, но полностью исключали возможность наблюдать, что происходит на самом этаже. Поэтому, когда Линда исчезла с третьей камеры, оставалось только надеяться, что она действительно зашла в квартиру.

В 22:15 Эдвард Нортстром вбежал в дом и затем на какие-то считанные секунды появлялся в поле зрения трех первых камер, быстро преодолевая лестницу, перепрыгивая через 2—3 ступени. При такой грузной фигуре двигался он слишком спешно, что говорило о взволнованности, которая так же отражалась и на его лице.

В 22:26 14ая камера засняла, как к дому подъехала полицейская машина. Двое патрульных вышли из нее и направились к дверям. Затем их уловила камера №13, установленная в кабинке лифта, где полицейские провели 13 секунд.

В 22:51 все трое спустились на лифте на первый этаже (12 секунд), но на улицу вышел только Эдвард. Полицейские появились только спустя 20 минут (после того, как допросили консьержа), оглядели окрестности, затем сели в служебный автомобиль и уехали.

Еще через две минуты Марла поднялась к себе, и это был последний временной отрезок в файле с первым фильтром.

Показания Эдварда Нортстрорма полностью подтверждались, как и слова старушки, что на записи нет ничего инте-

ресного. Как Линде удалось покинуть квартиру, не оказавшись в обзоре ни одной из камер, оставалось загадкой.

Во втором файле Уильям тоже не нашел ничего полезного, внимательно просмотрев все те же временные отрезки. На этот раз картинка не редактировалась, поэтому изображение было тусклым и нечетким. Второй светофильтр улавливал излучение радиоволн, визуализируя их разноцветными линиями в самом видео, делая таким образом видимыми для человеческого глаза. Поэтому из-за появившихся полупрозрачных сетей изображение стало еще хуже. Тонкие линии образовывали постоянно увеличивающиеся сферы, возникающие в источниках излучения, отмеченных жирными точками в пространстве, и расходящиеся в разные стороны подобно кругам на воде. Таких источников хватало – в каждой жилой квартире был установлен Wi-fi роутер для беспроводной передачи высокоскоростного интернета и телевидения. Светофильтр улавливал их сквозь любые преграды, поэтому жирные точки зарождения волн казались парящими в воздухе, хотя на самом деле были где-то далеко за стеной. Радиус действия, правда, был небольшой, но вполне достаточный, чтобы программа смогла определить, имелось ли дистанционное вмешательство в работу камер. Все подозрительные излучения, грозящие нарушением системы, записывались и добавлялись к остальным временным отрезкам, не отобраным ранее. Но второй файл по продолжительности был равен первому. Проверив все отрезки со вто-

рым светофильтром, Уильям, на какое-то время зачарованный невероятным зрелищем движущегося тумана из разноцветных нитей от визуализированных волн на записи, убедился, что никакого вмешательства, на которое он отчасти даже надеялся, не было. По крайней мере это могло бы хоть как-то объяснить таинственное исчезновение девушки. Даже если бы она сбежала через окно, ее бы засняла наружная камера, но ведь этого не случилось.

Уильям передумал смотреть третий файл после того, как подробно изучил таблицу показателей всех шестнадцати камер. Файл с текстовой сводкой был на диске вместе с видео и не выявлял никаких проблем. В целом, система наблюдения работала исправно и максимально слаженно. В третьем случае видеообработки использовался тепловой светофильтр, улавливающий инфракрасное излучение. Обычно последний файл не представлял особого интереса, потому что ничего нового для расследования не приносил. Если движущийся объект фиксировался в первом варианте, то, следовательно, оказывался и в третьем тоже. Разумеется, если он излучает тепло. Поэтому Уильям жадно отхлебнул из чашки холодный и уже невкусный кофе, поморщился, проглатывая этот горький кусок льда, чуть не застрявший в горле, и откинулся на спинку кресла. Видео, как и предупреждала Марла, оказалось бесполезным. Пустышкой. Но Уильям результатом считал и отсутствие информации. Ведь если он проверил столько путей и не нашел верного, значит он существен-

но повысил вероятность найти его позже в другом месте, где-то же он должен быть. Его подход был схож с философией Томаса Эдисона, оставшегося в истории, как создатель лампы с нитью накаливания в конце 19 столетия, усовершенствованная конструкция которой используется и по сей день, несмотря на глобальное вытеснение с рынка более современными модификациями источников света. Правда, в квартире Уильяма не было ни одной такой, сплошь плоские световые панели, встроенные прямо в стены и реагирующие на голосовые команды.

В своей работе по поиску подходящего материала для изготовления нити накаливания электрической лампы он в течение нескольких лет испытывал тысячи различных образцов, пока не остановился на карбонизированном бамбуке. После он сказал слова, ставшие знаменитыми:

«Я не терпел поражений. Я просто нашел 10000 способов, которые не работают».

Так и Уильям порой тратил время на то, чтобы перебрать все варианты и лично убедиться в их неправильности. Но сегодня этот подход почему-то его разочаровал. Единственной зацепкой пока что оставался случайно выплывший в этой истории Марк Косби, и только он, пожалуй, смог бы дать какие-нибудь ответы на целую кладовую вопросов, заполненную доверху. Во всяком случае один – это не ноль.

Собравшись было захлопнуть ноутбук и убрать его в сумку, в самый последний момент Уильям все же решил посмот-

реть и третий файл, чтобы уж до конца убедиться в его бесполезности и со спокойной душой продолжить расследование. Запускать видео он не стал, тем более, что картинка была практически бесформенной и несколько жутковатой для глаза. Окружение состояло сплошь из холодного синего цвета. Люди из градации от фиолетового в области волос и одежды до пламенно-красного на местах открытых участков кожи. Область вокруг глаз и рта высветлялась до ярко-желтого – цвет полыхающего очага. На границах холодного и теплого еще проступал и зеленый. При этом предметы и люди были лишены четких контуров, представляли собой размытые силуэты. В целом эта радужная картина казалась нереальной, потусторонней и такой же сумасшедшей, как изображение Виллема Де Кунинга в эпоху популярности абстракционизма. Вероятно, именно в такой цветовой гамме видят мир люди, получившие передозировку от ЛСД.

Поскольку понять, кто именно появлялся перед камерой, было невозможно, Уильям решил просто сравнить продолжительность видеотрезков, этого будет вполне достаточно.

8:58. Камера №13. 41 секунда.

9:30. Камера №13. 12 секунд.

9:31. Камера №14. 24 секунды.

Уильям запустил этот отрезок и чуть не ослеп: экран был заполнен ярчайшим красным светом, чуть ли не сочащимся прямо из монитора. Утром воздух уже успел хорошенько прогреться, чтобы получился такой визуальный эффект.

На красном фоне проступал человеческий силуэт немного другого теплого оттенка, удаляющийся от камеры – Линда уходила на работу.

Дальше все временные промежутки были такими же, как и в предыдущих файлах: обед Марлы, приход почтальона, ужин Марлы, возвращение Линды, затем появление ее отца, затем...

Два последующих отрезка длились по 4 секунды каждый и были датированы десятью часами вечера ровно. Но насколько помнил Уильям, в первых файлах их не было. Сначала Линда вернулась домой около девяти, а затем Эдвард Нортстром появился в 22:15. Значит, камера с теплочувствительным фильтром уловила что-то новенькое.

Отрезки были засняты первой камерой и... третьей. Это было очень странно, потому что, если кто-то поднимался вверх по лестнице, он не мог пропустить второй этаж и сразу оказаться на третьем.

Уильям отдельно запустил один из новых четырехсекундных отрезков и увидел такое, что не сразу поверил собственным глазам. На темно-синем фоне почти неразличимой лестницы вдруг вспыхнул белый шар диаметром около метра. Он парил в воздухе на небольшой высоте над полом. Возникший прямо из воздуха фантом стремительно взлетел вверх по лестнице и исчез из поля зрения первой камеры. На этом отрезок закончился.

Уилл был настолько поражен увиденным, что пересмотр-

рел это короткое видео несколько раз подряд, опасаясь, что при новом просмотре на записи может ничего не оказаться, а белый шар-призрак станет всего лишь игрой воображения. Но неопознанный объект никуда не исчезал и каждый раз точь-в-точь повторял свое движение по лестнице.

На втором отрезке появление шара запечатлела камера №3. Он проплыл по лестничному пролету и скрылся на третьем этаже, покинув область обзора объектива. На следующем видео наружная камера засняла пламенный силуэт Эдварда Нортстрема, и далее все временные отрезки совпадали с предыдущими файлами.

Уильям снова, уже в который раз, запустил видео с первым появлением неизвестного шара и остановил на моменте вспышки. Объект был равномерно-белого цвета и имел абсолютно ровные контуры на застывшей картинке, что было необычно для инфракрасной съемки. Даже при движении его края не размывались, словно излучаемое им тепло сдерживалось какой-то оболочкой идеальной шарообразной формы и ничуть не рассеивалось вокруг. Что касается цвета, настолько ярким белым отмечались показатели температуры в 300 градусов Цельсия и больше. И этот вполне реальный, кажущийся осязаемым шар каким-то непостижимым образом стал невидимым для камер без светофильтров и при таком жаре не оставил никаких видимых следов на окружающих предметах. Окажись рядом человек, он бы просто сгорел заживо. Неизвестно, как, шар с первого этажа перенесся

сразу на третий, как раз где жила Линда. А поскольку это нечто появилось там за минуты до исчезновения девушки, Уилл считал это слишком подозрительным совпадением.

Детектив еще долгое время всматривался в экран, пытаюсь найти признаки таинственного шара на исходном двадцатичетырехчасовом видео, но так ничего и не обнаружил. Погрешность работы программы равнялась одной тысячной процента, что в принципе можно смело считать абсолютным нулем, но проверить стоило, хоть ошибка и была практически невозможной. В системе не было никаких нарушений и вмешательств извне. А значит, этот шар, каким бы нереальным ни казался, существовал на самом деле.

Уильям считал себя реалистом, отвергающим что-либо иррациональное и доверяющим лишь пяти органам чувств, не исключая при этом, что их можно обмануть. Он не верил в потусторонние миры, загробную жизнь, переселение душ. Не верил в духов и призраков. Он адекватно воспринимал детали окружающей действительности, если мог их понять, разъяснить. Если бы, например, факт перерождения души или реинкарнации был доказан, была бы приведена конкретная схема того, как происходит весь этот процесс, – Уилл принял бы это на веру. В противном случае, все, не имеющее доказательства на существование, отрицалось априори.

Он не верил в Бога, сотворившего весь мир и создавшего людей по образу и подобию Своему, потому что, коли человечество способно на такие чудовищные поступки, каким

тогда чудовищем является сам создатель. Уильям отрицал Его существование, не желая также признавать, что его судьба лежит в лапах жестокого монстра, назвавшего себя судьей. Нет, хозяевами своих судеб являются сами люди. И даже все самое невероятное, невозможное и нереальное, но происходящее в нашей жизни, является всего-навсего случайным стечением обстоятельств, но никак не Божьим промыслом. Ведь существуй Он на самом деле, стал бы он допускать те ужасы, которые случаются? Разве не помог бы голодающим? Или не излечил бы смертельно больных детей? Не вернул бы слепому зрение, а калеке способность ходить? Разве он не попытался бы спасти Джереми и Маргарет?..

Уильям сильно стукнул кулаком по столу, отчего полупустая чашка звякнула о блюдце. Несколько посетителей за соседними столиками обернулись на звук, но быстро потеряли всякий интерес и вернулись к своим делам. Почему-то сегодня мысли Уильяма уже во второй раз скатываются к закрытой теме, о которой он старался не думать, чтобы не потерять контроль над собой. Всякое такое скатывание в итоге заканчивалось вспышкой жгучего гнева, которую Уилл научился вовремя умирять еще до того, как та превратиться в торнадо, уничтожающее вокруг все и вся. А ведь было когда-то время, когда он был совершенно другим человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.